Эйдолон

Автор:
Грейс Дрейвен

Эйдолон

Грейс Дрейвен

Призрачные короли #2Ромэнтези

В стремлении к безграничной власти Сумеречная королева Баст-Харадиса выпускает в мир темные силы. Ее младший сын, принц Бришен, внезапно становится правителем страны, охваченной ужасной эпидемией и стоящей на грани войны. А его супругу-гаури, Ильдико, заставляют принять трудное решение: ради безопасности трона она должна отказаться от любимого.

Три враждующих королевства будут вынуждены объединиться ради спасения. А одноглазому королю придется собрать армию мертвых, чтобы одолеть войско проклятых.

Грейс Дрейвен

Эйдолон

Посвящается моему отцу Д. В. Уокеру.

Папа, я люблю тебя!

Моим редакторам Лори Гасвей и Мел Сандерс: вы снова спасли меня от самой себя.

Моей бесстрашной бета-читательнице Джефф Кеннеди: милая, с меня вино.

Спасибо всем вам!

Пролог

Когда Киргипа заняла столь желанную должность второй няньки новорожденной дочери наследного принца Каи, она и представить себе не могла, что эта работа будет связана с постоянным недосыпанием и изгнанием в одну из самых дальних комнат дворца. Дитя на руках уткнулось носиком в ее плечо, посапывая, как барсук. Маленькие пальчики подрагивали на ее рукаве, тонкие черные когти оставляли следы на ткани. Киргипа легонько похлопывала малютку по спине в размеренном ритме, пока сама ходила взад и вперед по комнате под бдительным оком королевской стражи.

Из убранства в покоях были только тюфяк для няни, роскошная детская кроватка, стул и корзина с принадлежностями для кормления и пеленания. И больше никаких удобств. Малютку поселили как можно дальше от детской и всех, кто хотел спать, не тревожась от криков капризного дитя, страдающего от колик.

Не обращая внимания на боль в руках из-за многочасового бдения, Киргипа с тоской посмотрела на простой тюфяк. Он не мог уберечь от холодного жесткого пола, но манил не хуже пуховой перины, особенно после нескольких дней на ногах.

– Ты еще не протерла дырки в ботинках? – Охранник Некос сочувственно улыбнулся.

Поставленный сегодня охранять единственную дочь из выводка принца Харкуфа, Некос составлял компанию Киргипе, пока все во дворце спали. В основном стражник хранил молчание, но иногда удивлял расспросами о здоровье или предложениями, как успокоить малютку. Киргипа часто украдкой поглядывала на Некоса, восхищаясь блеском черных волос и игрой мышц под

натянутой серой кожей. Не говоря уже о великолепных руках с аккуратно подстриженными черными когтями.

– Пока нет, но подошва истончилась, – тихо ответила она и начала свое сотое, а может быть, тысячное путешествие по скромным покоям. – Если сосчитать все шаги, сделанные по этому полу, подозреваю, я уже дошла до Саггары и вернулась.

В такие моменты, когда в глазах резало, будто по ним провели сухим чертополохом, а веки тяжелели, точно камни, Киргипа жалела, что не уехала вместе с молодым принцем Бришеном и его свитой в гарнизон Саггары несколькими месяцами ранее. Вместо этого она решила остаться в Харадисе. Недолгое пребывание в качестве второй служанки человеческой супруги принца помогло Киргипе занять нынешнюю должность, однако новые обязанности оказались гораздо тяжелее. Гаурская херцегеши, столь непохожая внешне на каи, была с виду неприглядна, но обладала приятным нравом и придерживалась более милосердного режима сна.

Киргипа лениво гадала, как принцесса Ильдико приспособилась к своему новому дому. Храбрая или безрассудная, любая женщина, способная противостоять грозной королеве Секмис, обладала стойкостью, необходимой, чтобы добиться успеха везде и во всем.

Каи боялись Секмис и трепетали от ужаса, превышающего обычный страх мелких дворян перед безжалостным монархом. Возможно, причина крылась в том, что невеста Бришена чужестранка и не знала о репутации королевы, поэтому не понимала необходимости проявлять осторожность. В любом случае, что бы ни побудило херцегеши пойти на такой риск, Киргипа жалела, что не смогла воочию наблюдать за первой стычкой двух дам.

Она успокаивающе погладила малышку, когда та беспокойно заерзала. Взгляд Некоса неотрывно следовал за ними.

– Скучная обязанность для солдата, – заметила Киргипа, проходя мимо.

Страж пожал плечами.

– Это мой долг, и я связан клятвой. – Его глаза заблестели в полумраке комнаты. – Есть задания и похуже, чем присматривать за новорожденным королевским чадом и ее хорошенькой няней.

Комплимент удивил, и Киргипа зарделась. Она опустила голову, надеясь скрыть предательский румянец. Некос весьма привлекательный мужчина, старше ее лет на десять или больше. Точнее сказать она не могла.

Должность стража королевской семьи требовала безграничной преданности королю, а также боевого опыта. За те долгие дни, что Киргипа с ее подопечной провели под его защитой, она поняла, что он добр, но не склонен к флирту. Слова Некоса не льстивый комплимент. Ее кожа запылала и потемнела еще сильнее.

От поиска остроумного ответа ее спас шум, донесшийся с нижних этажей дворца. Пол под ногами завибрировал, а затем гул сменился всепоглощающей тишиной, от которой тонкие волоски на руках встали дыбом.

Киргипа встретилась взглядом с Некосом.

– Что это было?

Он покачал головой, легкая полуулыбка испарилась. Помрачневшее лицо солдата вызвало у нее почти столь же сильную дрожь, как и звук, пробудивший неприятное предчувствие. Даже беспокойно дремавшая малютка затихла.

Шум раздался снова – коварные шепотки, напоминающие болтовню аристократов, которые обменивались непристойными сплетнями, или быстрый стук малюсеньких коготков паразитов, пойманных в ловушку внутри стен. От этой мысли у Киргипы по спине побежали мурашки, а потом душа ушла в пятки от внезапного пронзительного крика. За ним последовал другой, более громкий, мучительный вопль, словно кто-то, содрогаясь в конвульсиях, взвыл, одолеваемый муками непостижимого страдания.

Малышка проснулась с пронзительным визгом. Застыв на месте от ужасного звука, который то нарастал, то снова затихал за дверью, Киргипа сжала маленькую принцессу, молча взирая широко распахнутыми глазами на стражника.

Некос обнажил меч и задвинул засов на дверях. Нежность в его лице бесследно исчезла. Он резко вскинул свободную руку, приказывая няне отступить в дальний угол комнаты.

Прерываемые шепотом крики слились в хор, резонируя от пола и стен. У Киргипы чуть не подогнулись колени, и она привалилась к стене, чтобы не рухнуть на пол.

Тем временем Некос заглянул в дверной глазок.

– Некос, отпирай! Быстрее!

Киргипа узнала голос его ночной сменщицы, Дендеры. Стражник бросился выполнять приказ и широко распахнул дверь. Юная принцесса окончательно проснулась и теперь исступленно кричала на пределе своих легких. Киргипа едва слышала Дендеру из-за царившей какофонии.

Стражница влетела в комнату и резко остановилась, бледная и изможденная. Серебристые волосы свисали спутанными прядями, выбиваясь из косы.

– Запри дверь на засов!

Некос сделал, как она велела.

– Что происходит?

Пропустив вопрос мимо ушей, Дендера внимательно посмотрела на Киргипу с ребенком.

– Мы должны увести их к реке. – Ее руки сжались в кулаки, сильная дрожь сотрясла тело. – Кто-то выпустил галлу во дворце.

Киргипа тихонько всхлипнула и обняла принцессу. Галлу. Демоны. Это слово на древнем языке означало «разрушение». Будь у Некоса хоть десять мечей, это ровным счетом ничего бы не изменило. Чистой сталью галлу не поразить.

Некос замер, побледнев, как и Дендера, а затем вложил меч в ножны.

– Сколько у нас времени? – спросил он, срывая постельное белье с матраса и бросая одеяло Киргипе. – Сделай перевязь.

– Они захватили все южное и восточное крыло и первые три этажа под нами.

Дендера бросилась помогать стягивать постельное белье и разрывать его на длинные полосы, которые они связали в импровизированную веревку.

Малышка перестала плакать, когда Киргипа положила ее на пол, чтобы, свернув и завязав одеяло, сделать из него переноску.

– А остальные? Королевская семья? Наследники в детской?

Вопросы были риторическими, но она все же задала их, надеясь, вопреки всему, что хоть кто-то выжил и сбежал. Печаль боролась в ее сердце с ужасом. Крики. Мужчины, женщины, дети. Галлу пожрали их заживо.

Во взгляде Дендеры отразилось смятение Киргипы. Она указала на хныкающую и икающую у ног Киргипы малютку.

– Демоны заполонили все нижние этажи. Взгляните на свою новую королеву, – решительно произнесла стражница.

Крики не смолкали. К ним присоединились звуки истерического веселья, раздутого злобой смеха, словно что-то питалось ужасом и агонией, находя это восхитительным.

– Быстрее! – приказала Дендера.

Они с Некосом закончили связывать веревку. Он закрепил конец на железном стержне ставни, в то время как Дендера распахнула ставни навстречу суровому закату, окрасившему западный горизонт в кроваво-красный.

Киргипа расправила плечи, глядя на самодельную веревку, и дрожащими руками подняла свою подопечную. Королева Каи. Устроенная в перевязи малышка

наконец-то успокоилась, не подозревая о порожденной тьмой мерзости, что кипела, пенилась и пожирала все живое этажами ниже. Малютка не осознавала, что трагедия возвела ее на монарший престол.

Некос перебросил веревку через окно. Та скользнула вдоль внешней стены, замерев неподалеку от земли.

– Придется прыгать, – заявил он. – Кости, может, и затрещат, но при должной осторожности мы ничего не переломаем.

– Я никогда раньше не лазала по веревке. – Киргипа выглянула в окно. Путь к спасительной земле казался недосягаемым. – А если я уроню нашу королеву? Или сама упаду?

В этот момент в ее голове промелькнула мысль, что подобная гибель будет намного милосердней участи, уготованной для них галлу. И все же она не хотела умирать, тем более причинять вред невинной малютке, доверчиво льнувшей к ее телу.

Дендера в последний раз проверила прочность веревки и узел, закрепленный на болте с кольцом.

– Если упадешь, один из нас тебя поймает. – Она перевела взгляд на Некоса. – Сколько тебе лет?

– Тридцать четыре.

Дендера кивнула.

– Мне сорок один. Моя магия сильнее. Ты пойдешь первым и поможешь няне. Я спущусь последней.

Некос кивнул, словно слова Дендеры имели смысл. Сбитой с толку Киргипе оставалось только смотреть, как он обматывает кусок веревки вокруг предплечья и перекидывает ногу через подоконник.

– Не задерживайтесь, – приказал он обеим женщинам напоследок и скрылся из виду.

Они высунулись из окна и убедились, что Некос благополучно спускается по стене. Дендера развернула Киргипу к себе и проверила узел на перевязи.

– Твой черед, маленькая служанка.

Звуки демонического разгулья достигли лихорадочной высоты, подбираясь все ближе.

– Почему так важно, чья магия сильнее? – поинтересовалась Киргипа.

Дендера снова выглянула в окно.

– Ты знаешь сказки. Галлу питаются магией. Я более соблазнительная приманка. Если они выломают дверь до того, как мы сбежим, то меня будут пожирать дольше, чем Некоса. Это даст тебе больше времени.

Киргипа ахнула, потеряв дар речи от практичности и смелости этой женщины. Стражница подвела ее ближе к окну.

– Он на земле. Когда Некос скажет прыгать, отпусти веревку. Без колебаний.

Дендера помогла Киргипе перебраться через подоконник, проинструктировав, как спуститься по стене и не поранить ребенка.

Спуск был мучительным, желудок сводило, и Киргипа вся покрылась липким потом к тому времени, как Некос крикнул ей прыгать.

Она отпустила веревку. Желудок врезался в ребра и вернулся на место, когда она приземлилась в объятия Некоса.

Он резко поставил ее на ноги и схватил за руку.

– Бежим! – приказал Некос и потащил ее к травяным садам у западной стороны дворца.

Охваченная ужасом, Киргипа стала быстрой и проворной. Казалось, ноги сами несут ее, будто у нее выросли крылья. Сердце гулко колотилось в груди и грохотало в ушах, почти заглушая тошнотворные крики.

Неужели демоны выломали дверь? Успела ли Дендера сбежать?

Киргипа не осмеливалась оглянуться на дворец, но краем глаза заметила движение: мрак клубился и извивался, растекаясь по дворцовой территории к городу Харадис, точно темная вода.

О боги, столица. Там ее мать и сестра. Чужие матери и сестры. Сыновья и дочери. Отцы и братья.

– Мы должны предупредить их! – крикнула она Некосу.

Пальцы запульсировали от его железной хватки.

– Кто-нибудь это сделает. Возможно, уже сделал. Нам надо добраться до реки.

Петля впивалась в бок, плечи болели от веса принцессы, а они мчались впереди бурлящей черной волны, несущейся к Харадису. Один раз Киргипа чуть не упала, поскользнувшись на траве, провонявшей гнилью и сгоревшими отбросами. Некос зажал ей рот рукой, заглушая крик.

Скользкое пятно некогда было каи. Это стало ясно по единственному желтому глазу, плававшему в вязкой серой луже, усеянной осколками костей и остатками рта, что продолжал открываться и закрываться, как у свежевыловленной рыбы, испускающей последний вздох.

– Не смотри. Беги, – приказал Некос дрожащим голосом, удерживая ее на ногах и таща за собой.

Сухие рыдания застряли в горле, пока Киргипа бежала рядом со стражем, удерживая ребенка.

Река, река, река.

Одно-единственное слово в голове эхом вторило сердцебиению.

Великая Абсу, рожденная ручьем в далеких Драморинских горах, делила город напополам, устремляясь к морю в нескольких лигах на юге. Глубокие и опасные воды реки разбивали корабли, топя моряков. Теперь там скрывалось спасение для каи. В сказаниях говорилось, что галлу не могут пересечь проточную воду, даже по мосту. Киргипа молилась, чтобы легенды оказались правдой.

Они добрались до окраин города, вбежав на улицу, заполненную перепуганными каи. Некос оказался прав. Кто-то предупредил жителей Харадиса. Охваченный страхом народ сбился в неуправляемую толпу, которая с трудом продвигалась к берегам Абсу.

Некос протиснулся сквозь плотную стену тел, создавая узкий просвет для Киргипы. Каи не расступались перед ними. Ведь они не отличались от остальных, как и простые горожане, отчаянно пытались спастись от клокочущей тьмы, что изверглась из дворца и текла по плодородным полям в сторону столицы. Юная королева казалась обычным младенцем, которого держала в объятиях испуганная мать и защищал отец-солдат.

Над царящим хаосом раздался ужасающий крик:

– ОНИ УЖЕ РЯДОМ!

Казалось, весь Харадис закричал в ответ, и каи бросились к Абсу. Киргипа отчаянно стала звать Некоса, когда толпа вырвала ее из его хватки. Бегущие падали на землю и погибали под ногами. Киргипа крепко прижала к себе малышку, изо всех сил стараясь не потерять равновесие. Некос боролся с волной охваченных ужасом каи, пытаясь вернуться к ней, но безрезультатно. Поток паникующих нес его к берегу реки.

Юная королева заревела на руках у няни, крошечное лицо побледнело от истошных воплей. Киргипа ударила локтем по лицу незнакомца, который в буквальном смысле попытался залезть на нее и пройти по головам окружающих. Мужчина упал, вцепившись пальцами в подол ее платья, отчего Киргипа

споткнулась и повалилась на него. Каи застонал, когда она врезала ему, пытаясь освободиться. Юбку разорвало до подола, и мужчина отпустил Киргипу. Жалобные мольбы о помощи смолкли под топотом бегущих ног.

Сильная рука схватила ее сзади за рубашку и толкнула вперед:

– Пошевеливайся, маленькая служанка. Мы почти на месте! – крикнула Дендера ей на ухо.

Если бы они не находились среди охваченной паникой толпы и их не преследовали галлу, Киргипа обняла бы стражницу. Вместо этого она удвоила усилия, чтобы добраться до Абсу, а Дендера делала то же, что Некос, – расчищала ей путь грубой силой.

Коснувшись лодыжек Киргипы, ледяные воды Абсу выбили дыхание из ее груди. Народ собрался плотнее, чем соленая рыба в бочках, и дрожал на холодном воздухе. Еще больше каи стояло на противоположном берегу, вытаскивая мокрых, продрогших собратьев на берег и причалы.

– Плавать умеешь? – громко спросила Дендера, перекрикивая толпу. Киргипа кивнула. – Хорошо. Мы должны пересечь реку. Держись как можно дальше от остальных. Те, кто не умеет плавать, попытаются спастись, утаскивая на дно тех, кто умеет. Ты должна держать ребенка, чтобы я могла защитить вас обеих и помочь с переправой.

Они медленно поплыли по реке, увлекаемые стремительным потоком. Киргипа читала все выученные с детства молитвы о спасении и защите. Зубы стучали, промокшие юбки льнули к телу. Малютка лежала высоко на плече, оставаясь сухой, если не считать волочащихся концов перевязи. Дендера плыла рядом, дважды поднималась из воды, словно мстительная нимфа, чтобы оттолкнуть других пловцов.

Защищенная сторона Харадиса полнилась каи: теми, кто сбежал от галлу, и теми, кто патрулировал берег, помогая пловцам выбраться. Дендера помогла Киргипе подняться на ноги, когда к ним подбежал насквозь промокший Некос и обнял обеих женщин и ребенка. Все трое протестующе закричали, пока стражник не отпустил их.

– Я думал, ты стала ужином галлу, – сказал он Дендере со слабой улыбкой.

Та не улыбнулась в ответ.

– Почти. – Ее взгляд устремился к противоположному берегу, к дергающейся клокочущей тьме, что окончательно поглотила поля и хлынула на улицы Харадиса. – И ночь еще только началась.

Крики и жуткий смех, преследовавшие Киргипу и Некоса всю дорогу из дворца, разнеслись эхом по аллеям и переулкам. Некоторые каи не успели убежать или попали в ловушку. Кирпига закрыла глаза, молясь, чтобы ее мать и сестра оказались среди тех, кто переплыл реку и обрел убежище по эту сторону Абсу.

Еще больше каи бросилось в реку, пытаясь добраться до противоположного берега. Однако Киргипа потрясенно замерла, когда горстка каи ринулась в обратную сторону. В доспехах и на лошадях, они переправлялись через Абсу к врагу.

– Что, во имя Эмлек, они творят? – воскликнул Некос, широко распахнув глаза. – Этих тварей нельзя убить мечами.

Киргипа взглянула на Дендеру, которая некоторое время наблюдала за странной группой каи, прежде чем ответить:

– Они не собираются воевать. – Она указала на храбрецов. – Взгляни на них. Все пожилые, давно ушедшие со службы. Они идут не сражаться, а умирать.

Дендера оказалась права. Горстка вооруженных каи состояла из женщин и мужчин, годящихся ей в бабушки и дедушки. Они подъехали к противоположному берегу, спешились и отпустили лошадей. Предводитель, с черными посеребренными волосами, повернулся лицом к своему войску и реке. Сгорбленный и старый, он заговорил сильно и без фальши, перекрывая предсмертные крики каи и вой галлу.

– Мы не оставим лучшего наследия, чем в попытке спасти наших потомков. Присоединяйтесь ко мне, чтобы те, кто пришел после нас, жили и помнили.

Произнеся это, он отвернулся от реки и раскинул руки. Те, кто последовал за ним, выстроились по обе стороны, обхватив ладонями предплечья друг друга. Так образовалась живая цепь, тянувшаяся вдоль берега.

Сердце Киргипы заныло от их храбрости, и она в утешение прижала свою маленькую подопечную к груди.

– Долг – тягостное бремя, – твердо и горько промолвила Дендера. Она встретилась взглядом с Киргипой; ее лицо осунулось и постарело. – Моя главная цель – защитить это дитя. Так же как и твоя, и Некоса. Но я бы солгала, сказав, что не желаю всем сердцем быть среди тех, кто остался непреклонен перед врагом. – Она указала на реку. – Видишь? Слова храброго лидера – самая могущественная магия.

Каи, в основном пожилые, но некоторые и в расцвете сил, покинули спасительные воды. Они выбрались на сушу, не обращая внимания на обезумевших родственников, которые пытались их удержать. Другие оставили безопасный берег и поплыли присоединиться к храбрецам. Старики, давно ушедшие в отставку солдаты и многие другие, чьи профессии не были связаны с войной и славой, они присоединились к своим товарищам, соединяясь в линию, тянущуюся вдоль кромки Абсу.

Сердце Киргипы в ужасе замерло от увиденного. Ее мать, Таравин, вышла из реки, присоединяясь к живой цепи. Аталан, сестра Киргипы, стояла по пояс в воде, умоляя ее не уходить. Киргипа закричала и бросилась на помощь, позабыв о ребенке на руках и о стражниках.

– Нет, матушка! Не надо!

Она упала бы в воду, если бы Некос не оттащил ее назад. Дендера выхватила малышку. Киргипа попыталась оттолкнуть Некоса, извиваясь в его руках.

– Отпусти! Там моя мать! И сестра!

Некос тряхнул ее так сильно, что у нее потемнело в глазах.

– Прекрати, Киргипа!

Он развернул ее лицом к реке. Его непреклонная хватка на плечах была крепче кандалов.

– Там мой старший брат, – сказал он, указывая на мужчину средних лет и на стоящего рядом с ним каи: – Наш дядя.

Он повернул ее лицом к себе, и Киргипа увидела печаль в его золотистом взоре.

– Они сделали свой выбор, и это смелое решение. Мы будем хранить в наших воспоминаниях и восхвалять их героическую жертву. Уважай этот выбор, выживи и исполни свой долг.

Она могла лишь судорожно дышать и всхлипывать, охваченная болью от осознания, что они с сестрой скоро увидят смерть матери.

– Моя сестра, – прошептала она, икнув. – В реке.

Убедившись, что Киргипа не кинется спасать мать, Дендера вернула ей ребенка.

– Она умеет плавать? – Киргипа утвердительно кивнула. – Тогда она в безопасности.

У нее не было возможности спорить. Галлу, опустошавшие город, достигли Абсу. Каи вдоль берега реки, взявшиеся за руки, начали петь, а затем светиться. Их магия, сила ушедших поколений, прошла по дуге сквозь сцепленные руки, пока не заполнила тела, создавая синий барьер, что озарил наступающую ночь и привел ожившую тьму в неистовство.

Это не преграда. Приманка.

Киргипа вздрогнула, не спуская глаз с мерцающего столба небесно-голубого света, который был ее матерью. Каи в реке и на берегу замолчали. Глухой рев стремительных вод заполнил тишину вместе с пением пробуждающих магию каи и голодными криками галлу.

Дендера заставила Киргипу повернуться к ней лицом. Стражница излучала напряжение и непоколебимость.

– Пусть не это станет твоим последним воспоминанием о ней. Я буду смотреть. Я буду помнить. – Она взглянула на Некоса. – Тебе я окажу такую же услугу.

Некос покачал головой. Его взгляд замер на том месте, где стояли брат с дядей.

– Я охотно буду нести бремя этих воспоминаний.

Киргипа вцепилась в рукав Дендеры.

– Пообещай, что спасешь мою сестру, когда все закончится.

– Я сделаю все, что в моих силах.

По общему вздоху Киргипа поняла, когда галлу напали. Она хотела обернуться, но Дендера обняла ее. Маленькая королева оказалась меж ними.

Тишину прорезали крики, громкие, долгие и такие пронзительные, что, казалось, луна расколется напополам. Стоны умирающих и тех, кто наблюдал их кончину. Киргипа дрожала в объятиях Дендеры и молилась, чтобы страдания поскорее прекратились, а ее матушка умерла мгновенно, без мук.

В конце концов она не могла понять, длилось ли нападение несколько мгновений или месяцев. Казалось, прошла целая жизнь. Когда Дендера отпустила ее и позволила повернуться к реке, голубое сияние, рожденное магией каи, и пробудившие ее храбрецы исчезли. Лишь стена извивающихся теней клубилась у берега. Призрачные очертания алых глаз, острых когтей и зазубренных клыков растворялись в дыму и пепле, чтобы восстать снова и снова. Река была заполнена каи. Храбрецы, принесшие себя в жертву, позволили всем, кто попал в ловушку, вовремя добраться до воды.

Демоническая орда клубилась на берегу, разочарованная тем, что не смогла полакомиться каи, находящимися вне пределов их досягаемости. Вой и быстрые щелчки, похожие на скрежет зубов, наполнили воздух. За черной стеной вдалеке возвышался дворец – опустошенный силуэт в свете восходящей луны.

– Так пало королевство Баст-Харадис, – раздался за спиной Киргипы голос Дендеры.

Глава 1

Не сводя глаз с центрального кухонного стола, Ильдико сжала кулаки до хруста костяшек. Завтра банкет в честь Кихаки, праздник изобилия у каи, и главная повариха Саггары приготовила множество блюд на пробу.

– Отведайте, херцегеши, – с улыбкой протянула тарелку повариха.

Как хозяйка замка и предстоящего пира, Ильдико обязана одобрить меню. Обычно эта задача не была ей в тягость. Она наслаждалась многими блюдами каи. Всеми, кроме одного.

Ильдико схватила тарелку и постаралась отвести взгляд от пирога со скорпидом на противоположной стороне стола. Из-под блестящей от масла корочки торчал кончик ядовитого жала.

Очевидно, повариха оказалась наблюдательнее, чем предполагала Ильдико. Каи тут же подошла к декоративному подносу и услужливо протянула пирог госпоже.

– Хотите сначала отведать его, ваше высочество?

– Нет! – Ильдико откашлялась и продолжила спокойным тоном: – Нет, спасибо. Я начну с этого конца стола.

Она понадеялась, что к тому моменту, как доберется до опасного лакомства, желудок не попытается сбежать через горло при одной мысли о свежеразделанном куске скорпида.

Ильдико не торопилась, откусывая маленькими кусочками. Некоторая еда в прошлом вызывала у нее опасение. При дворе Гаура не отведаешь жаренной в меде саранчи или копченых личинок сиплы, тушенных в остром перечном соусе (последние при первой пробе чуть не сожгли ей язык в пепел). Неминуемо приближаясь к пирогу со скорпидом, Ильдико ела все медленнее и медленнее.

Рядом нетерпеливо переминалась с ноги на ногу повариха.

Ситуацию спас возникший в дверях управляющий. Ильдико чуть не перепрыгнула через стол, готовая от благодарности обнять слугу.

Месуменис вздрогнул от улыбки госпожи, но совладал с эмоциями.

– Херцегеши, если можно, уделите мне минутку вашего внимания.

Повариха недовольно сощурила глаза и напряглась от раздражения из-за того, что их прервали.

– Остальное попробуете позднее, ваше высочество?

Избавившись от необходимости есть пирог, Ильдико радостно протянула поварихе тарелку.

– Нет, нет, в этом нет нужды. Мне понравились отведанные яства. Уверена, гостям еда тоже придется по вкусу и они не смогут оторваться от столь восхитительных блюд.

Сама же Ильдико с превеликим удовольствием поделится скорпидом с любым желающим.

Довольная похвалой главная повариха в последний раз неодобрительно фыркнула на Месумениса и приказала своей маленькой армии поварят и кухарок возвращаться к работе.

Ильдико вышла за управляющим в темный коридор. Они остановились у лужицы желтого света, льющегося от единственного факела в железном подсвечнике, привинченном к каменной кладке.

Месуменис протянул переплетенную стопку документов.

– У вас довольно озадаченный вид, управляющий.

Ильдико взглянула на первую страницу, сразу отмечая, что текст написан на смеси всеобщего и гаурского.

Месуменис сцепил руки за спиной и перенес вес тела на пятки – верный признак, что он собирался на что-то посетовать.

– В порт прибыл первый груз из Гаура. Барка пришвартовалась за городком Эскариэль. Экипаж выгрузил товары и ожидает погрузки амарантина согласно торговому соглашению.

– И? – не выдержала Ильдико затянувшегося молчания.

Управляющий нахмурился сильнее.

– Посыльный доставил этот манифест от начальника порта. Они не могут забрать гаурские товары, поскольку не в состоянии проверить правильность отгрузки.

Ильдико снова посмотрела на бумаги в руке, на этот раз медленно перелистывая каждую страницу. Чем больше она углублялась в чтение, тем сильнее злилась.

– Это, вероятно, какая-то шутка? – Она встретила золотистый взгляд Месумениса. – Кому могло прийти в голову составить грузовой манифест на древнегаурском?

Управляющий пожал плечами.

– Доподлинно неизвестно, однако начальник порта, как и я, не знаком с этим языком, поэтому мы не можем рассчитать сумму и проверить наличие привезенных товаров.

Жар стыда пополз вверх по ее шее, обжигая щеки и уши. Первый настоящий торговый обмен между двумя странами в исполнение подписанного и скрепленного печатью договора, ради которого они с Бришеном вступили в брак, а кто-то в Гауре решил прибегнуть к мелкой хитрости и обману. Такой поступок выставлял ее народ в дурном свете.

Торговое соглашение между Гауром и Баст-Харадисом включало продажу предметов роскоши для каи: экзотических чаев и специй, полудрагоценных камней, высококачественного стекла, хлопчатобумажных тканей и вышивки золотом – в обмен на ценный краситель амарантин, который добывали и продавали только каи.

Возмущенная и пристыженная, Ильдико сжала манифест в кулаке. Месуменис предусмотрительно отступил на шаг.

– Скажи гонцу обождать и вели седлать лошадь. Я поеду с ним в Эскариэль.

Она не кричала и не ругалась, но управляющий опрометью кинулся выполнять приказ. Лошадь была готова в мгновение ока, как и отряд из полудюжины солдат.

Через полчаса пути они прибыли в доки, огибающие более глубокие берега Абсу, где множество каи суетилось среди выгруженного груза. Тюки с тканями и мешки с разнообразнейшими товарами занимали все пространство вместе с рядами корзин, амфор и бочек. Реку заполняли плоскодонные суда, пришвартованные к столбам длинными канатами. Барки прижимались друг к другу, создавая собственный причал, пока моряки деловито передавали груз под громогласные приказы начальника порта и капитана корабля. Упорядоченная суматоха царила при лунном свете и мерцании факелов.

Гонец, доставивший манифест в Саггару, провел отряд через толпу. Ильдико не обращала внимания на тяжелые взгляды каи. Она прожила в Саггаре больше года и привыкла к любопытству, которое вызывала. Каи из близлежащих от Саггары деревень больше привыкли к виду людей, чем жители столицы, так что сейчас ее разглядывали не из-за того, что она человек, а из-за того, что она гаури, ставшая женой принца Каи.

Херцегеши проехала мимо бочек с пурпурными метками и печатью Саггары. Амарантин для погрузки и доставки в Гаур. Кучка работников порта, восседавших за импровизированными столами, сооруженными из досок, уложенных поверх пустых бочек, спорили с тремя людьми на смеси баст-каи и всеобщего. Обмен репликами становился все громче и враждебнее. Каи отказывались отдавать амарантин, не проверив манифест, а люди требовали погрузить краску на корабль без промедления.

Спор резко оборвался, когда херцегеши в сопровождении эскорта остановилась перед ними. Каи вскочили на ноги и одновременно поклонились. Люди же озадаченно уставились на нее, пока не сообразили, кто именно нанес им визит. Они присоединились к поклону каи.

– Ваше высочество, – произнесла троица на гаурском.

– Херцегеши, – воскликнули остальные на баст-каи.

Ильдико спешилась, сжимая в руке манифест.

Она кивнула служащим.

– Где начальник порта?

– Я сейчас его приведу, херцегеши. – Один из каи убежал, растворяясь в толпе.

Ильдико посмотрела на людей и остановила взгляд на старшем мужчине, поседевшем от бурь и многих лет, проведенных в плавании.

– Кто из вас капитан судна или второй помощник?

Ее догадка оказалась верна.

Седой мужчина вышел вперед и поклонился во второй раз.

– Ваше высочество, я капитан Глэй с «Хитрого лиса». – Он махнул в сторону пришвартованного за его спиной корабля.

Ильдико выгнула бровь. Принимая во внимание сложившуюся проблему, херцегеши сочла название судна весьма подходящим. Она помахала стопкой бумаг перед носом моряка.

– У нас проблема с грузовым манифестом, капитан. Похоже, начальник порта в Гауре дал вам перечень, который невозможно прочесть, если только вы не жрец или его ученик.

Улыбка капитана застыла, плечи напряглись.

– Я ничего не знаю, ваше высочество, – ответил он старательно мягким тоном. – Мы загрузились с парусника «Морской конек». Их капитан заверил меня, что весь груз учтен. По-моему, все в порядке, так что мы заберем краску и доставим ее в Гаур, если не возражаете.

Покусывая нижнюю губу, Ильдико пролистала страницы и просмотрела списки предметов с их количеством и весом – все было написано на древнегаурском.

– Возражаю, – ответила она. – Торговцы каи не смогут прочесть ваш манифест, поскольку язык им чужд. – Она протянула бумаги. – А вы можете?

Ильдико подавила смешок, когда капитан отпрянул, будто ему протянули живую гадюку.

– Кажется, нет. Однако кто-то счел уместным составить список на храмовом языке. Остается лишь гадать, отчего кто-то подумал, будто священники Гаура собирают десятину и принимают пожертвования на причалах Каи.

Капитан Глэй отвел глаза в сторону и пожал плечами, словно подобное происходило постоянно.

– Пожалуй, ваше высочество. Но даю вам слово, груз доставлен в нужном количестве.

Ильдико рассмеялась. По-видимому, капитан счел, что она вмешивается в неженское дело и обязана довериться ему, раз они из одного народа.

Направляясь к подсчитывающему груз каи, она сказала капитану через плечо:

– Не сомневаюсь в вашем честном слове, однако вам придется ненадолго задержаться. Возможно, ни вы, ни каи не могут перевести древнегаурские письмена, но вот мне подобная задача по силам.

Хвала богам за обычаи Гаура, согласно которым жрецы обучали знать. Хотя Ильдико находила уроки письменности чрезмерно скучными и в лучшем случае

была посредственной ученицей, ее знаний хватало для перевода манифеста.

Она указала на один из свободных столов:

– Могу я здесь присесть?

Служащие порта кинулись подавать ей табуретки и перья для письма. С ликующими ухмылками каи смотрели на капитана судна, их клыки отливали белизной в полумраке ночи.

Глэй в свою очередь стал гораздо менее любезен. Он стиснул зубы, а вытянутые по бокам руки сжал в кулаки.

– Ваше высочество, перевод займет несколько часов и выбьет меня из графика! – выпалил он.

Ильдико поцокала языком в притворном сочувствии.

– Печальный итог неуместной шутки. Предлагаю по возвращении обсудить вопрос с теми, кто составлял манифест, и настоятельно рекомендовать им использовать всеобщий вместо храмового языка. – Проигнорировав свирепый взгляд капитана, она открыла первый список товаров и обмакнула перо в ближайшую чернильницу. – Ну что ж, приступим? Уверена, никто из нас не хочет просидеть здесь до рассвета.

Капитан не успел выдвинуть никаких возражений, так как в этот момент прибыл начальник порта. Почтенный каи поклонился Ильдико, не скрывая своего удивления при виде херцегеши.

– Значит, Саггара получила мое послание. Я ожидал ответ от Месумениса, а не от самой херцегеши, – промолвил он, одновременно довольный и смущенный. – Чем могу быть полезен, ваше высочество?

Ильдико указала на него кончиком пера.

– Я здесь всего лишь в качестве переводчика. Всю координацию груза оставляю на вас.

Будь она жрицей Гаура, перевод пошел бы намного быстрее, но прошли годы с тех пор, как ей доводилось корпеть над храмовыми письменами, поэтому Ильдико медленно продвигалась по списку. Капитан нервно расхаживал и что-то бормотал под нос, а иногда уходил на баржу, хотя быстро возвращался, бросая яростные взгляды, которые Ильдико беззаботно игнорировала.

К окончанию перевода рассвет еще не озарил черный горизонт, но уже был близок. Ее испачканные чернилами пальцы свело судорогой к тому моменту, как она отложила перо и с облегчением выдохнула.

– Готово! – воскликнула Ильдико и победоносно улыбнулась начальнику порта. Тот кивнул, а капитан «Хитрого лиса» радостно встрепенулся.

Глэй настороженно покосился на нее и манифест.

– Значит, мы можем отправиться в путь?

Ильдико пожала плечами.

– Вам еще нужно оформить документы на поврежденные при транспортировке товары. Но на этом моя задача здесь выполнена.

Она встала и поморщилась. После долгих часов сидения на жестком табурете спина жутко ныла.

– Доброй ночи. – Ильдико взглянула на тонкий край зарева вдалеке. – Точнее, доброго утра.

Она приняла искреннюю благодарность начальника порта за помощь и пообещала нанести повторный визит, если в будущем подобная проблема повторится. Напоследок она посмотрела на капитана, деловито отдающего приказы сонной команде готовить корабль к отплытию. Ильдико надеялась, что сегодняшний урок послужит примером для Гаура и те больше не будут пользоваться подобной уловкой.

* * *

В крепости по-прежнему кипела бурная деятельность – прислуга готовилась к предстоящему пиршеству. Ильдико не стала интересоваться, как продвигаются дела. Месуменис умело справлялся с подобными вещами, занимая пост управлявшего Саггары не один год, так что Ильдико оставалось не вмешиваться и соглашаться либо просить внести изменения, когда Месуменис и главная повариха спрашивали ее мнение.

В данный момент Ильдико была вдвойне благодарна сноровке слуг. Единственное, чего ей хотелось, – это принять ванну и смыть с тела портовый смрад.

Ожидавшая в спальне горничная Синуэ брезгливо поморщилась, прежде чем смогла изобразить на лице учтивость.

Ильдико рассмеялась.

– Не утруждайся. Знаю, от меня дурно пахнет. Разит за версту.

Они вдвоем принялись снимать с нее провонявшую одежду, и вскоре обнаженная Ильдико укрылась одеялом в попытке немного согреться. Она съежилась в кресле у зажженного очага, пока Синуэ ходила на кухню распорядиться согреть воду и принести еду.

Если бы Бришен был дома, она попросила бы приготовить ванну на двоих. Ильдико вздохнула, глядя на пляшущее в камине пламя. Муж вместе с Анхусет отправился на западную границу. До Саггары дошли слухи о многочисленных набегах на фермы каи: бандиты угоняли крупный рогатый скот, овец и лошадей, а также вырезали целую семью. Донесения были противоречивы: одни заявляли, будто разбойники – каи, другие винили во всем беладинские патрули, вторгшиеся с Верхнего Салюра.

Ильдико всем сердцем надеялась, что второй вариант ошибочен. С тех пор как Серовек помог спасти Ильдико с супругом, не говоря уже об Анхусет, они с Бришеном из дружелюбных соседей стали его близкими друзьями. Идеальный исход, если не брать в расчет, что отношения между их королевствами становились все враждебнее. Ильдико молилась, чтобы стороны не развязали войну. Ей претила сама мысль, что этим двум благородным мужам придется

скрестить клинки на поле брани.

Синуэ вернулась, ведя за собой вереницу слуг. Те принесли ванну и кувшины с водой, а также накрытые тарелки с едой. Через несколько секунд Ильдико уже погрузилась по пояс в горячую воду. Синуэ же сервировала стол, пока хозяйка не позовет помочь вымыть ей голову.

Хотя в ванне нельзя было лечь, с одной стороны имелась высокая, как у стула, спинка, на которую Ильдико могла опереться. Если бы восхитительный запах блюд не дразнил нос и не будоражил желудок, она бы могла отмокать в воде часами. Вместо этого Ильдико поспешно вымыла тело и волосы, изнемогая от желания приступить к трапезе.

Она как раз укутывалась в теплую сухую ткань, когда за ее спиной распахнулась дверь, соединяющая их с Бришеном покои.

Синуэ поклонилась, а Ильдико обернулась, заметив в дверях своего супруга.

Все еще одетый в забрызганные грязью доспехи, кожу и плащ, с подола которого на пол стекала жижа, Бришен предстал перед ней с чувственной плутовской улыбкой на губах.

– Ну здравствуй, прекрасная ведьма, – произнес он тоном, от которого по ее спине пробежала приятная дрожь, не имеющая ничего общего с холодом.

– Бришен!

Позабыв, что стоит в ванне, Ильдико бросилась к нему и зацепилась за бортик. Лишь быстрая реакция Синуэ спасла ее от неловкого падения.

Горничная с улыбкой передала свою госпожу Бришену, который быстро преодолел расстояние между дверью и ванной.

– Оставляю херцегеши на ваше попечение. – Синуэ снова поклонилась. – Позовите, если понадоблюсь.

Ильдико подождала, пока за служанкой закроется дверь.

– Эх, вот и рухнул мой план встретить тебя с королевским достоинством и изяществом, – печально промолвила она.

Губы Бришена скривились, правый глаз сверкнул перламутровым блеском. Он лишился левого несколько месяцев назад во время пыток. Черная повязка закрывала пустую глазницу, но не скрывала неровных шрамов, рассекавших кожу над бровью и под нижним веком.

– Такой исход мне понравился намного больше. – Пальцы с длинными когтями провели тонкую линию вдоль края промокшей ткани, один уголок которой был заправлен в ложбинку меж грудями. Другой рукой он слегка сжал руку Ильдико. – Скучала по мне, жена?

– Хм, только если немного, – поддразнила она, но прильнула к нему, наслаждаясь прикосновением любимого.

Невзирая на смертоносные когти, которые могли рассечь кожу точно ножи, Ильдико не испытывала страха. Рожденный и воспитанный воином с недюжей силой, завещанной его предками, Бришен Хаскем всегда оставался нежным супругом. Ильдико попыталась обнять его и нахмурилась, когда муж отошел в сторону, не отпуская ее руки.

– Я весь грязный, жена, и мне нужно помыться. – Его ноздри раздулись, а голос понизился до гортанного тембра. – Любительница шипов, ты пахнешь так чудесно, что хочется тебя съесть.

Ильдико изогнула бровь и покосилась на тарелки на столе.

– Принимая во внимание историю наших народов, не говоря уже о твоей волчьей улыбке, не знаю, счесть твои слова комплиментом или мне уже стоит звать на помощь.

В памяти всплыл разговор, когда Анхусет поведала ей часть ужасной истории их народов. Ильдико знала, что стала белее снега, когда кузина Бришена рассказала, как в прошлом каи охотились и поедали людей. Она долго смотрела на Анхусет, силясь понять, шутка это или правда.

– Значит, Серовек не блефовал, когда угрожал передать тех беладинских наемников каи в качестве дорожного пайка, если те не признаются, где держат Бришена.

Анхусет покачала головой.

– Это не пустые слова. Угроза срабатывает лучше всего, когда основана на правде.

У Бришена заурчало в животе. Ильдико высвободила руку и отступила на шаг.

– Уверена, на вкус я как вареная картошка, – заявила она.

Он нахмурился.

– Тогда ты в безопасности, красавица моя.

Бришен подошел к столу, от которого исходили соблазнительные ароматы, и снял крышки с тарелок. Прикрыв золотистый глаз от наслаждения, он сунул лакомый кусочек в рот и принялся жевать. Колени Ильдико задрожали, жар опалил низ живота и меж бедер. Кто знал, что во время трапезы можно выглядеть столь соблазнительно?

Он положил в рот еще кусочек и пожал плечами, словно извиняясь.

– Я не ел со вчерашнего дня. Мы выследили и преследовали до западных границ похитителей скота. Убили двоих, остальных десятерых взяли в плен.

– Каи или беладины? – спросила она, страшась услышать ответ.

– Каи.

Ее плечи поникли. Ильдико изо всех сил старалась скрыть облегчение. Убийство сородичей, конечно, нелегкое дело, но, по крайней мере, инцидент не станет поводом развязать войну, как в случае если бы Бришен свершил правосудие над беладинскими ворами.

Илидько внимательно осмотрела супруга, касаясь лица, плеч и тонкой талии, защищенной слоями брони, обтянутых плотными шерстяными штанами ног и сапог, зашнурованных до колен. Он был весь в пятнах грязи, но не в крови и с целой одеждой.

После более чем года в браке Бришен стал намного искусней читать выражение ее лица. Что-то выдало ее беспокойство.

– Со мной все хорошо, Ильдико. Просто устал и проголодался.

Она вздохнула.

– Ничего не могу с собой поделать. Я беспокоюсь каждый раз, как ты отправляешься на патрулирование, и не могу уснуть до твоего возвращения.

Его лицо смягчилось.

– Значит, ты не видишь снов обо мне, пока меня нет рядом, – посетовал он, прежде чем подмигнуть.

Ильдико повернулась взять ночную сорочку, заботливо разложенную на кровати Синуэ, и небрежно уронила промокшую ткань. Раздался судорожный вздох. Ильдико улыбнулась, но не стала оборачиваться.

– Теперь ты здесь, а значит, я смогу уснуть и обязательно увижу тебя в своих снах.

– Сейчас же отбрось эту мысль. Никто из нас не уснет в ближайшие часы. – Его голос охрип от страсти.

Она поежилась как от холода, так и от предвкушения, прежде чем накинула на себя сорочку. Разочарованный выдох заставил Ильдико оглянуться через плечо.

– Тогда, херцег, почему вы просто стоите и крадете мой ужин? Сбросьте поскорее броню и исполните угрозу.

Бришен усмехнулся.

– Это не угроза, а обещание. – Стук в дверь на мгновение отвлек его внимание. – Это Этеп с ванной и яствами. Присоединишься?

Он схватил оба подноса со стола.

Ильдико покачала головой, недоумевая, зачем он спрашивает.

– Я бы распорядилась все подготовить, если бы знала, что ты дома, муж мой.

Она последовала за ним и нахмурилась, когда он вновь уклонился от ее прикосновений. Кончики пальцев покалывало от желания ласкать его – потребности, порожденной страстью, а также заботой о его здоровье и благополучии.

Бришен толкнул дверь сапогом, и та распахнулась, так что они увидели камердинера Этепа, который стоял в другом конце покоев, накрывая стол, заставленный различными блюдами, а группа слуг, которая ранее наполняла ванну херцегеши, теперь выливала кувшины воды в другую ванну.

– Едва я переступил порог, как взмолился об этом. Я весь с ног до головы покрыт дорожной грязью, и от меня несет скотом.

В отличие от маленькой ванны, принесенной в комнату Ильдико, сюда принесли огромную ванну, в которой можно было лежать. Над поверхностью воды тонкими завитками поднимался пар, источая прохладный аромат можжевельника.

А вот спальня Бришена по сравнению с ее покоями оказалась ледяным склепом. Огонь в камине еще не горел. Слуга, присев на корточки, готовил растопку для поленьев. Ильдико поежилась и, извинившись, ушла, чтобы достать теплый халат и тапочки из сундука в своей комнате. По ее возвращении все слуги, за исключением Этепа, покинули покои. Камердинер помогал Бришену снять доспехи.

Ильдико устроилась в одном из кресел рядом с уставленным едой столом, подтянула колени и спрятала замерзшие ноги под халат.

Бришен смотрел на нее, прищурив глаза, пока Ильдико пробовала различные яства. Он снял ослабленную бригантину кирасы и передал ее ожидающему Этепу.

– Смотри, Ильдико, не ешь все до последней крошки, а то я готов проглотить тарелки.

– Постараюсь держать себя в руках, – небрежно пообещала она и усмехнулась в ответ на его тихий рык. – Ванна или трапеза?

От запаха острого перца и пикантного соуса у нее защекотало в носу и потекли слюнки.

– Ванна. – Бришен отпустил Этепа, оставшись в одной длинной рубахе и штанах. – Грязь меня беспокоит больше, чем голод.

Он снял рубаху и швырнул в дальний угол комнаты. Штаны полетели следом. Резкий вдох Ильдико заставил его остановиться, когда он ступил в ванну с горячей водой. Его брови изогнулись, а в уголках рта заиграла чувственная ухмылка.

– Почему ты так смотришь на меня, жена?

Ильдико фыркнула. Что за глупый вопрос?! Каи по своей природе более стройные и мускулистые, чем люди, и Бришен не стал исключением из правила. У него крепкие бедра всадника и руки натренированного воина. Гладкая серая кожа туго обтягивает широкие плечи, скульптурную грудь и живот. Если он повернется, откроется не менее впечатляющий вид на мощную спину и упругие ягодицы.

Взгляд Ильдико задержался на его бедрах. Хотя каи в чем-то отличались от людей, когда дело доходило до мужского достоинства, они имели схожую конструкцию. Им также было свойственно хвастовство и желание потягаться в сравнении этих достоинств. Живя в военном гарнизоне среди грубых солдат, Ильдико случайно подслушала не один такой разговор.

Скромный и одновременно уверенный в себе, Бришен не хвастался такими вещами, но судя по впечатляющей эрекции, поднявшейся под пристальным взглядом Ильдико, безусловно, имел веские причины для гордости.

– Глянь, что ты наделала, – пожаловался он.

Ильдико рассмеялась.

– Ты сам создал эту проблему. Как я могу отвести взор, когда ты расхаживаешь передо мной во всей красе? – Она встала и затянула пояс на халате. – Хватит медлить, садись. Вымою тебе спину и волосы вместо горничной.

Бришен сделал, как она велела, и удовлетворенно выдохнул, когда погрузился в воду по шею.

– Думаю, мне понравится.

В недавно зажженном очаге весело потрескивал огонь. Ильдико оставила Бришена лениво лежать в воде. Выражение чистого блаженства отразилось на его лице, когда он положил голову на край ванны и обхватил руками борта. Она подвинула стопку одежды поближе к очагу, чтобы согреть ее, и налила вина из графина.

Когда Ильдико вернулась с кубком в руке, Бришен дремал. Правый глаз был закрыт, левую глазницу скрывала черная повязка. Он не снял ее не из-за тщеславия или стыда. Просто забыл. Бришен открыл здоровый глаз и увидел, что жена любуется им.

– Ты либо планируешь мое соблазнение, либо убийство, – сказал он невнятным от усталости голосом.

Длинные пальцы обхватили кубок, и Бришен поднял его в молчаливом тосте.

Ильдико поставила у ванны, там, где покоилась голова Бришена, маленькую скамеечку для ног, которая стояла у очага.

– Ни то, ни другое, – ответила она. – Я планирую вымыть тебе голову.

Ильдико дала ему время осушить вино, а сама приготовила неглубокое ведро, кувшины с холодной водой и кусок мыла.

– М-м-м, – одобрительно простонал Бришен, когда она нежно провела пальцами по его спутанным волосам. Реакция мужа вызвала ее улыбку. Ильдико закатала рукава, засунула подол халата под скамейку и принялась смачивать, намыливать и ополаскивать длинные локоны. Она попыталась представить мужа в почтенном возрасте, с серебристо-белыми прядями вместо терновых. Бришен по-прежнему будет так же красив и царственен, как и сейчас. Ильдико усмехнулась себе под нос, забавляясь мыслью, что когда-то находила его отвратительным.

Золотистый глаз уставился на нее.

– Что тебя забавляет, жена? – Вопрос перешел в стон, когда она стала массировать кожу головы.

– Я подумала, что ты слишком красив на свою беду.

– Все дело в шрамах. Они придают шарма.

Ильдико перестала улыбаться. Шрамы! Они будут сниться ей в кошмарах до самой смерти. Не потому, что делали его отвратительным, а потому что были нанесены с беспощадной жестокостью. Никогда в жизни она не думала, что прикажет кого-то убить, но сделала это с обидчиками мужа и не колеблясь приговорила бы их к смерти во второй раз.

Ильдико скрутила его чистые волосы в жгут, не обращая внимания на обвинения в том, что она пытается снять с него скальп. Протесты сменились блаженным стоном, когда она намылила его спину и провела ладонями по изгибу, где шея встречалась с плечом, а также по глубокой впадине позвоночника, разделявшего пополам твердые склоны спины.

Бришен снова запротестовал, когда она передала ему мыло с тряпкой.

– Дальше можешь мыться сам, а я пока наложу тебе еды и налью вина.

– Но ты сказала, что будешь играть для меня роль горничной.

– Синуэ не купает меня полностью.

Бришен хмыкнул.

– Какая жалость.

Он намылил тряпку и принялся скрести тело. Его хмурый взгляд не позволил Ильдико открыто рассмеяться.

Однако когда он встал и потянулся за протянутой сухой тканью, настал ее черед хмуриться. Движение заставило его повернуться, и Ильдико заметила уродливый темно-синий синяк на внутренней стороне бедра.

Она не стала отдавать ткань, а подошла ближе, пристально разглядывая синяк.

– Что это такое?

Мокрый и дрожащий Бришен оглядел свое тело, близкое к возбуждению. На лице снова заиграла слабая ухмылка.

– Доказательство моей всепоглощающей страсти к моллюскам.

Ильдико нахмурилась, осторожно проведя кончиками пальцев по темному краю синяка.

– Я об этом.

Бришен пожал плечами.

– Подарок от раздраженной коровы. Боец из меня лучше, чем погонщик скота. Меня словно ударили молотом по ноге.

Воспользовавшись тем, что жена отвлеклась, он выхватил у нее из рук теплую ткань.

– Нужно вызвать целителя.

Разумом Ильдико понимала, что волнуется понапрасну. Множество ночей Бришен возвращался с тренировок с синяками на коленях и шее, и все же она не могла ничего поделать со своей безграничной опекой.

Бришен словно догадался об источнике ее тревоги. Он пропустил меж пальцев ее влажную косу и мягко произнес:

– Я уже обо всем позаботился в дороге, Ильдико. Это пустяк и скоро заживет.

– Тебе все равно стоило поискать целителя.

Он обернул ткань вокруг талии и взял вторую, чтобы вытереть ноги.

– Я слишком торопился домой. Меня ждала жена. И еда. – На его губах заиграла ухмылка. Клыки обнажились во всей красе. – Естественно, это не одно и то же.

Она слегка шлепнула его по руке, прежде чем с визгом убежать, когда его ладонь опустилась ей на ягодицу.

За трапезой они рассказали друг другу о времени, проведенном в разлуке. Вылазка Бришена, вкупе с боями, дождем и разозленным скотом, звучала как сплошное бедствие. Он доедал третью тарелку, когда упомянул о корабле, перевозившем товары в Эскариэль.

– Мы заметили баржу по пути в Саггару. Думал, к этому времени они уже будут далеко вниз по Абсу. Отплытие пришлось отложить?

Ильдико откинулась на спинку стула, медленно вертя ножку бокала между большим и указательным пальцами.

– Можно и так сказать. В Гауре сочли забавным составить грузовой манифест на древнем языке.

Она поведала о визите посланника, своем гневе при виде манифеста, изложенного на храмовом языке, а также о долгих часах, проведенных в порту за переводом.

Тревога Бришена заставила раздражение Ильдико вспыхнуть с новой силой.

– Ты великолепная спутница жизни, Ильдико. Просто ситуация печальная. Я надеялся, что торговый обмен пройдет не так враждебно.

Она погладила его предплечье.

– Я тоже, но думаю, в будущем подобное не повторится. Видимо, кто-то решил проверить воду.

Бришен покачал головой.

– Можно подумать, не нашлось лучшего способа потратить свое и наше время впустую.

Он допил остатки вина и помог Ильдико встать. Его неповрежденный глаз был сонно прикрыт, а повязку, закрывающую второй глаз, Бришен снял еще во время купания. Рубцовая ткань пересекала изгиб вокруг пустой глазницы в виде короны бледных неровных линий.

Ильдико провела большим пальцем по складке под опавшим веком.

– Знаю, ты говорил, они не причиняют тебе боль, но трудно представить, что ты не испытываешь мук.

Бришен схватил ее руку и прижался губами к большому пальцу.

– Они станут причиной боли, только если внушат тебе отвращение ко мне.

– Этого никогда не случится, – пылко поклялась она.

– Тогда вреда от них нет.

Она провела пальцами по его мягким губам.

– Иди в постель. Я сделаю тебе массаж, а затем воспользуюсь твоим телом, пока ты будешь слишком расслаблен, чтобы сопротивляться.

У Бришена брови полезли на лоб.

– Угроза или обещание? – пробормотал он, ощущая ее ласковое поглаживание.

Ильдико застенчиво улыбнулась.

– А разве это имеет значение?

Схватив ее за руку, Бришен потащил жену к расстеленной кровати.

– Ни малейшего.

Ткань кучкой упала у постели. Обнаженный Бришен растянулся лицом вниз поперек кровати, свесив ноги и спрятав руки под подушку, к которой прижался щекой. Он закрыл глаз и глубоко вздохнул, когда Ильдико села ему на поясницу, прижав колени к узким бедрам. Протяжный стон последовал за вздохом, когда жена начала разминать плечи и верхнюю часть спины скользкими от ароматического масла руками.

Напряженные мышцы расслабились под ее прикосновениями, гладкая серая кожа стала еще более упругой от теплого масла. Ильдико растирала и разминала его от плеч до икр, меняя положение, чтобы дотянуться до нужных мест, при этом избегая синяка на внутренней части бедра.

Его дыхание замедлилось, Бришен глубже зарылся в перину. Ильдико подумала, что муж заснул, пока он сонно не пробормотал:

– Руки устали?

Она услышала нотку надежды в его голосе. Бришен явно не хотел, чтобы она останавливалась. Ильдико приподнялась на коленях.

– Еще нет.

Она сбросила халат, слегка вздрогнув от прохладного сквозняка. Камин обогревал комнату, но воздух все еще оставался холодным. С другой стороны, Бришен лежал под ней такой горячий. Ильдико наклонилась, прижимаясь грудью к его спине, и уткнулась носом ему в ухо.

– Перевернись, – прошептала она.

Бришен перекатился на спину, его руки легли ей на бедра. Головка возбужденного члена прижалась к складкам ночной сорочки, когда он чуть поерзал под ней. Голубоватый румянец осветил его скулы, шею и ключицы.

– Как долго ты будешь отказывать мне, жена?

От легкого прикосновения указательных пальцев к темным соскам Бришен застонал и выгнул спину.

– И в чем же я тебе отказываю?

Ильдико знала ответ на свой вопрос. Они играли в эту игру каждый раз по его возвращении домой. Однако ей хотелось услышать это из его уст.

Правый глаз Бришена побледнел от золотистого до сияющего алебастра, и он ответил отрывистыми вдохами, прерывающимися каждый раз, когда она гладила его соски.

– Ты еще не поцеловала меня. Ни разу с тех пор, как я вернулся.

Из столь многого, к чему им обоим пришлось приспособиться в этом браке, больше всего раздумий и планов вызвал простой поцелуй. Каи обычно целовали друг друга с закрытыми ртами, ласково прижимаясь носом и щеками. Даже в пылу страсти они не открывали рта и не пользовались языками – учитывая остроту клыков, все могло закончиться плачевно.

Ильдико научила Бришена целовать ее по-человечески, но с меньшим риском. Осторожный танец губ и языков: Бришен ласкал языком горячий рот, а сама

Ильдико посасывала и облизывала его нижнюю губу. Не совсем как у людей, но и не как у каи. Исключительно их способ доставить друг другу удовольствие, сотканный из чистой магии. Ильдико с наслаждением целовала своего мужа и быстро поняла, что Бришен жаждет поцелуев, требуя уделить им особое внимание.

Она растянулась на его груди, возбужденный член оказался зажат между их животами.

– Ты так нетерпелив, любимый, – промолвила она, втянув правый сосок в рот и начав посасывать, тем самым продлевая его пытку.

Бришен чуть не стащил их обоих с кровати. Мощные ноги обвили ее, тяжелые руки скрестились на спине. Муж тесно прильнул к ней, запутываясь в складках ночной сорочки.

Ильдико без опаски отпустила его правый сосок, чтобы уделить левому такое же внимание, затем нежно прикусила и усыпала поцелуями дорожку вверх к шее и впадинке на горле. Бришен выгнул шею. Его пульс громко и часто забился под ее губами.

Пальцы Бришена сжали ягодицы Ильдико, заостренные кончики вонзились в ткань сорочки, прижимаясь к коже. Ильдико задрожала в его объятиях от желания и инстинктивного чувства опасности. Муж легко мог ее поранить. Неосторожное подергивание, непроизвольный рывок, и Бришен сдерет с нее кожу живьем. Однако он этого не делал и никогда не сделает. Она безгранично доверяла ему, и опасность, которую таили в себе физические особенности каи: клыки, когти, сила и скорость, – лишь подогревали ее страсть.

– Я не отказываю тебе, – прошептала она, прижимаясь губами к влажному от пота виску, пахнущему солью и можжевельником. Она покрыла легкими поцелуями линию его волос, путешествуя по лбу к пространству между бровями, прежде чем скользнула ниже, по переносице к вееру шрамов и опущенному веку, закрывающему пустую глазницу. Легким движением пройдясь по изуродованной плоти, она приблизилась к его уху.

– Я никогда не откажу тебе, – прошептала она и прикусила мочку. Муж задрожал в ее объятиях. – Попроси о чем угодно, и я все отдам.

Единственным ответом Бришена стали еще более крепкие объятия и ровный ритм вибрирующего в горле звериного рычания. Губы Ильдико проложили дорожку к его рту, остановившись на одно яркое мгновение. В комнате стало жарко, и не из-за пылающего камина. Дрожь все еще пробегала по ее коже, но не от холода. Ильдико успешно довела своего мужа до почти невменяемого состояния, сопровождаемого бессловесными стонами, молящими о пощаде. Бришен, в свою очередь, разжег ее страсть. Каждое ее нервное окончание от макушки до кончиков пальцев покалывало. Внутренние мышцы лона пульсировали, а бедра стали скользкими от предвкушения. Бришен задрал ее сорочку до талии. Они обменялись стоном, когда его член вжался в ее нагой живот и головка размазала струйку семени ниже пупка.

Она поцеловала его. Не быстро в губы или сладостно-мучительным покусыванием, а подарив медленный до неприличия, прекрасный танец языка и губ. Ильдико приоткрыла рот и раскинула бедра. Бришен скользнул внутрь, заполняя желанный рот и лоно, пока Ильдико не воспарила от полноты ощущений. Он украл поцелуем ее хриплые стоны.

Его руки скользнули с талии на бедра, удерживая ее на месте и тесно прижимая к себе. Ильдико посасывала его язык, ее внутренние мышцы в соответствующем ритме сжимали член. Их положение не позволяло двигаться дальше, пока не разомкнутся губы. Ильдико подождала, пока в легких совсем не останется воздуха, а затем отстранилась, жадно вдыхая и прижимаясь лбом ко лбу Бришена.

– Блаженство, – гортанно выдохнул он. – Я долго не продержусь.

Невероятно! О продолжительном занятии любовью не могло быть и речи. Это не важно. Ильдико довела их обоих до исступления. Трение таза о лобок, растягивающий изнутри возбужденный член, витавший в воздухе особый аромат – все это сводило с ума.

Ильдико раскачивалась на нем, выгибая спину, сжимая пальцами плечи, когда волны тепла и ощущений пробежали по позвоночнику, закручиваясь спиралью в животе. Она вскрикнула, впившись ногтями в плоть Бришена, с силой сжимая колени на его бедрах. В плену мучительного оргазма Ильдико смутно услышала его ответные стоны и произнесенное на прерывистом выдохе ее имя, когда Бришен сжал ее ягодицы и окунулся в омут экстаза.

Ильдико опустила голову, тяжело дыша, прежде чем растянулась на Бришене. Его грудь прижалась к ее груди. Он обнял ее, не позволяя отстраниться, и перевернул их обоих на бок. Темные волосы упали ему на щеку и глаза, и Ильдико поймала шелковистые пряди пальцами, заправив их за ухо.

Бришен уткнулся лицом в ее ладонь.

– Я не думал ни о чем другом, кроме поцелуя, с тех пор как мы с отрядом отправились домой.

– А как же насчет всего остального?

Она запротестовала, когда он стиснул ее в объятиях.

– Не смел. Иначе окончательно бы отвлекся и с такими мыслями загнал бы лошадь на верхушку дерева.

Они оба рассмеялись от возникшего в голове образа. Бришен дернул одеяло с одной стороны, потом с другой, пока не укутал их с Ильдико в теплый кокон. Затем он сорвал с нее сорочку и бросил в угол к своей грязной рубахе и штанам.

– Ей здесь не место.

Нагая, Ильдико прижалась к его горячему обнаженному телу. Бришен погладил ее по спине и потерся подбородком о макушку. Но вскоре его движения замедлились, а потом и вовсе прекратились. Дыхание стало ровным и глубоким.

Ильдико наклонила голову, любуясь лицом любимого. Несмотря на заверения, что они рано не уснут, Бришен задремал. Из-за усталости под его глазами пролегли темно-синие тени. Ильдико улыбнулась, теснее прижимаясь к мужу и зарываясь в теплое одеяло и меха.

Бришен дома. В безопасности. В ее объятиях. Во всем мире нет лучшего момента, чем этот.

Ильдико закрыла глаза и присоединилась к нему во сне.

Глава 2

– Я просмотрел соглашения о правах на воду между Натепом и Истари, а также карту, показывающую путь потока через два поселка. В карте ошибка, из-за которой почти лига спорного потока закреплена за Истари, а не Натепом. Теперь две деревни готовы взяться за оружие. Ваше высочество, боюсь, при любом моем решении потребуется военное вмешательство Саггары.

Бришен молча кивнул, лениво размышляя, что о нем скажут потомки, если он собственноручно вонзит в себя меч от отчаяния, пытаясь прервать безумно скучные разглагольствования своего наместника. Возможно, тема не казалась бы столь унылой, если бы он не слышал всего этого в третий раз, в невыносимых мельчайших подробностях. Давний конфликт между двумя поселками длился еще со времен деда Бришена, который правил Баст-Харадисом из Саггары, а не из нынешней столицы. Карта, казалось, всегда ошибалась, а излучины потоков были такими же меняющимися, как вода, которая в них бежала.

Бришен с тоской посмотрел на открытые двери, ведущие из большого зала в крытую галерею. В очертаниях множества костров танцевали и прыгали силуэты. Каи из каждого поселения, начиная от скромных фермеров, трудившихся в полях, собирая урожай, до наместников, работающих за столами и теперь донимавших его бюрократическими вопросами, собрались в крепости на праздник Кихаки – два дня изобилия еды, питья и занятий любовью. К сожалению, сейчас Бришен не мог насладиться ни одним из этих благ.

Собравшихся в зале было немного, в основном наместники, посчитавшие это время подходящим для жалоб, да слуги, которые сновали между кухнями и сервировочными столами. Пирующие наполняли тарелки едой и возвращались к остальным на галерею и внешний периметр редута. Музыка и хриплый смех доносились до зала, и Бришен подавил стон, когда второй наместник потребовал разрешения целого ряда проблем, которые, как был уверен Бришен, он уже решал во время визита в ту провинцию в прошлом месяце.

По крайней мере, он был не одинок в своих страданиях. Ильдико в платье темно-синего цвета, подчеркивающем бледную кожу и рыжие волосы, порхала из одного угла в другой, приветствуя и беседуя с гостями. Как единственный

человек среди собравшихся, она выделялась, точно маяк на холме, притягивая к себе взоры.

Его титул и присутствие в зале гарантировали, что к ней будут относиться вежливо и дружелюбно. Хотя Ильдико – человек, она все же его супруга. По статусу херцегеши превосходила всех каи, населявших крепость и провинции Саггары, кроме него самого. И все же Бришен знал, о чем думают подданные. Когда-то он сам разделял подобные мысли.

Серовек Пангион, беладинский маркграф, чьи земли граничили с Саггарой, заверил Бришена, что Ильдико привлекательна по людским меркам. Даже прекрасна. Каи же считали ее уродиной. Бришен ловил множество жалостливых взглядов и подслушал не меньше разговоров о том, как жаль, что красивому херцегу выбрали в жены столь убогое создание.

Бришен не спускал с Ильдико глаз, слушая краем уха нескончаемый поток слов. Его обуяла страсть. Одного дня в объятиях любимой недостаточно, особенно после недели разлуки, проведенной по колено в грязи, коровьем навозе и крови. Несомненно, ее можно будет увести из зала к пляшущей под светом растущей луны толпе. Он потанцует с ней у костров, а потом умыкнет в тихое местечко, где сможет утолить свою страсть в крепких объятиях, пока Ильдико будет петь ему серенаду тихими стонами.

Ильдико встретилась с ним взглядом поверх плеч пары каи, с которыми беседовала. Ее брови взметнулись вверх, когда он безмолвно взмолился о помощи. Повернувшись к гостям, она над чем-то рассмеялась и что-то ответила, а потом, откланявшись, направилась к взятому в кольцо Бришену.

Нескончаемый поток жалоб стих при ее приближении. Благородные наместники низко поклонились и вежливо поприветствовали херцегеши.

– Ваше высочество.

Присев в реверансе, Ильдико посмотрела на Бришена.

– Милорд, пожалуйста, простите, что прерываю, но мне нужен совет в срочном вопросе.

Бришен плотно сжал губы, сдерживая смех. Пока она говорила, правый глаз Ильдико медленно переместился к переносице, в то время как левый остался на месте.

– Это не займет много времени, – продолжила Ильдико, словно не замечая движения собственных глаз и ужаса окружающих. – Обещаю, что не задержу вас, и вы сможете вскоре, вместе со мной, вновь присоединиться к этим милым господам и дамам.

Она перестала косить правым глазом и взглянула на стоящую слева каи. Женщина вздрогнула и громко сглотнула.

Бришен подавил вздох, когда Ильдико слегка прищурила правый глаз и стала медленно вращать им по кругу, словно гоняясь за застрявшей в белке пылинкой. Судя по потрясенному молчанию и напряженным позам, наместники, как и Бришен, испытали отвращение.

Пробормотав заверения, что херцегеши не отвлекла ни от чего важного и может неспешно разрешить все вопросы с херцегом, наместники бросились к открытым дверям в сторону безопасной галереи, где не таились гаури с глазами-хамелеонами.

Ильдико проследила за уносящими ноги гостями, пока те не скрылись в темноте за дверями. Повернувшись, она усмехнулась Бришену. Ее взгляд был безмятежен, глаза больше не прыгали.

– Теперь мы одни. Ты именно в этой помощи нуждался, любимый?

Притянув жену в объятия, Бришен положил руки ей на спину и бедра.

– Это самая чудовищная акция устрашения, которую мне довелось видеть.

Фыркнув, Ильдико постучала пальчиком по застежке из слоновой кости на его тунике.

– Я много тренировалась. А устрашает это лишь потому, что ты – каи. В обществе людей подобный трюк вызвал бы смех и требование не вести себя как ребенок.

– Моя спасительница, – прошептал он, прильнув к ее щеке. – Ты распугала моих наместников и спасла от вечера, полного скучных жалоб. Как я могу тебя отблагодарить? – Он отклонился назад, многозначительно шевеля бровями. – Золотом? Драгоценностями? Плотскими утехами?

Ильдико стала водить кончиком пальца по вышитому узору на рукаве его туники. Более темные, чем волосы, ресницы на мгновение прикрыли ее странные человеческие глаза.

– Х-м-м, такой сложный выбор. Я согласна на все. – Ресницы поднялись, и Бришен безошибочно разглядел озорной блеск в черных зрачках. – Но пока ты можешь расплатиться танцами. Почти вся Саггара празднует, кроме нас. Это мой первый фестиваль Кихака, и мне не хочется его пропустить.

Ей не нужно было просить дважды. Бришен взял жену за руку и, переплетя с ней пальцы, направился к дверям с хмурым видом, дабы пресечь любые попытки остановить их и вовлечь в беседу. Ильдико, смеясь, бежала следом, уговаривая идти помедленней.

Разбившиеся на небольшие группки каи веселились и пили за удачный сбор урожая. Остальные либо танцевали около больших костров, либо не отходили от длинных столов на козлах (слуги вытащили их из зала и заставили яствами, приготовленными поварами Саггары, и угощениями, привезенными гостями).

Бришен увлек Ильдико к каи, стоящим наготове перед музыкантами. Танцоры выстроились лицом друг к другу в две линии, мужчины с одной стороны, женщины с другой. Некоторые начали аплодировать и свистеть, когда херцег с супругой присоединились к ним.

Музыканты настраивали инструменты, играя дразнящие ноты, тем самым раскрывая мелодию, которую собирались сыграть. Бришен ухмыльнулся от радости, когда Ильдико захлопала в ладоши и засмеялась.

– Я знаю эту песню, – крикнула она, пытаясь перекричать шум торжества.

– Значит, ты сможешь танцевать под нее?

Ильдико была искусной танцовщицей, как и следовало ожидать от женщины, выросшей при королевском дворе, однако сейчас она танцевала не с человеком. Сам по себе быстрый рил у каи превращался в безудержный пляс.

Она приподняла бедро и вызывающе вздернула подбородок.

– Держу пари, что смогу перетанцевать вас, ваше высочество. Это любимый танец в Гауре.

Услышав такой ответ, танцоры начали еще громче свистеть и аплодировать.

Бришен поклонился:

– Принимаю ваш вызов, миледи.

Музыканты взяли первые ноты и ритм на струнных и ударных. Две линии двинулись навстречу друг другу, мужчины закружили женщин при встрече, прежде чем снова расстаться.

Барабанный бой ускорялся. Пальцы музыкантов летали по струнам, а танцоры порхали, кружились и прыгали в вихре юбок и туник. Ильдико запрокинула голову и рассмеялась, когда Бришен подхватил ее на руки. Мир извивался и растягивался, сжимался и расширялся под все более дикий ритм. Танцоры не останавливались, подбадривая друг друга и музыкантов, чтобы те наращивали, а не сбавляли темп.

Ильдико была словно перышко, и Бришен подбросил ее высоко в небо. Она закричала, но не от страха, а восторга. Бришен легко поймал жену и быстро поцеловал, прежде чем нежно оттолкнуть от себя на прежнее место. Они скользили друг вокруг друга в безмолвном брачном танце, от которого у Бришена закипала и бурлила кровь.

Волосы его жены распустились и теперь растекались шелковистым водопадом по голове и плечам каждый раз, как он кружил ее вокруг себя. Даже в серебристом свете луны и пылающих костров он мог различить розовое сияние на бледной коже. Когда-то этот цвет напоминал ему вареного моллюска. Именно их щедрый амарантиновый окрас стал богатством Баст-Харадиса. А Ильдико из

Гаура стала величайшим сокровищем Бришена из дома Хаскем.

Ритм постепенно замедлился и, наконец, остановился. Бришен с восхищением следил, как быстро вздымается и опадает грудь Ильдико, пока она пытается отдышаться. Она помассировала бок. Он догадался, что у жены там колет так же, как у него под ребрами.

Стоило ей уловить направление его взгляда, как Ильдико сощурила глаза:

– И на что это вы смотрите, херцег?

Бришен притянул ее к себе и откинул прядь рыжих волос с плеча, обнажив блестящую от пота шею.

– Любуюсь вышивкой на вашем лифе, миледи.

Он наклонился и лизнул место, которое больше не было скрыто волосами. От Ильдико пахло солью и цветами.

– Ты ловко держишься, жена, – прошептал он ей на ухо.

Она усмехнулась и погладила его по рукам.

– У меня нет выбора, если я не хочу, чтобы ты и остальная твоя родня меня растоптали. Ты тяжелее буйвола. Мне приходится вовремя убирать ноги с дороги.

Бришен обнял ее, стараясь не сжимать слишком сильно. В отличие от каи она более хрупкая, по крайней мере физически. Если бы ее физическая сила была сравнима с силой духа, Ильдико могла бы не запыхавшись тянуть груженую повозку по склону горы.

– А если я признаюсь, что едва сдерживаюсь, чтобы не затащить тебя за то ограждение… – Он мотнул подбородком на низкую стену вдали. – Задрать юбки и прижать к бревнам, – продолжил Бришен охрипшим голосом.

Тихий вздох жены пощекотал его подбородок, в который она уткнулась носом. Эрекция вмиг туго натянула брюки. Бришен еще тесней прижался к ней, больше не замечая кружащуюся толпу.

– Я бы посоветовала не забыть прикрыть мне рот, чтобы я не смутила нас обоих, когда стану в исступлении выкрикивать твое имя.

Ильдико подмигнула ему.

– Милостивые боги, – пробормотал он, прежде чем разомкнул объятия, схватил ее за руку и потащил к тому месту.

Ильдико снова была вынуждена бежать трусцой, чтобы поспевать за ним. Она, как и он, тяжело дышала в предвкушении.

Они сделали три шага, когда шум толпы, музыки и потрескивающих костров прорезал крик, разрушив тишину с силой раската грома.

– Херцег!

Анхусет стремительно шла к нему и Ильдико, а каи расступались перед ней, как зерно перед лезвием молотилки. Глаза кузины светились тем же оттенком серебра, что и волосы, а черты лица стали резкими и выщелоченными до цвета холодного пепла. За ней следовал гонец.

Живот Бришена скрутило от неприятного предчувствия.

«Неужели отец умер?»

Джерод был уже немолод, когда женился на Секмис и та зачала от него детей. Бришен ненавидел мать и едва терпел отца. Источником дурного предчувствия была не печаль о родителях, которых он почти не знал, а инстинкт, что предупреждал о более страшных вестях. Выражение лица Анхусет вторило ужасу, запечатленному на лице сопровождающего ее мужчины.

Кузина коротко поклонилась Ильдико и сразу же повернулась к Бришену.

– Прибыл гонец из столицы. Ты должен немедля его выслушать.

Она отступила в сторону.

Ильдико отпустила руку Бришена и встала у него за спиной. Посланник словно только что покинул поле боя. Изможденное лицо исказил неописуемый ужас, под глазами пролегали тени недосыпа. Одежда была грязная и рваная. Если он приехал из Харадиса в Саггару, то, судя по виду, скакал без остановки.

– Каковы вести из Харадиса?

Гонец медленно моргнул, словно не веря, что Бришен реален, а не иллюзия, вызванная недостатком сна.

– Их больше нет, – выдавил он хриплым голосом. – Всех их. Нет. Уничтожены галлу.

Удушающую тишину прорезали испуганные крики и вздохи. Бришен взмахнул рукой, и все затихли.

– Принесите ему вина, – приказал он.

Кто-то бросился вперед с полным кубком. Гонец взял его трясущимися руками и осушил содержимое в три глотка. Он стиснул пустой кубок в кулаке точно оберег и вздрогнул.

Сердце Бришена дико заколотилось в груди.

– Кого больше нет? Откуда галлу?

Словно воспрянув духом не только от вина, но и от спокойного голоса Бришена, гонец глубоко вздохнул и выдохнул.

– Три дня назад кто-то вызвал орду галлу.

На этот раз Бришен не попытался пресечь хор вздохов и испуганных криков.

– Все началось с замка. Галлу поглотили всех обитателей дворца. Орда уничтожила все в столице к востоку от Абсу. Некоторые укрылись в реке и спаслись, переплыв на другой берег. Остальные либо утонули, либо их растоптали, либо они были съедены заживо.

Внезапное тепло согрело поясницу Бришена. Ильдико прижала ладонь. Он смотрел на гонца, прислушиваясь к сказанному, будто этот мужчина, превозмогая ледяной порыв ветра, пытался докричаться до него с противоположного конца туннеля.

– Вы уверены?

Посланник кивнул.

– Я видел это собственными глазами. Вместе с остальными бежал к реке. Загнал своего жеребца и выкрал другого, чтобы добраться сюда. Галлу распространяются точно зараза. Выжившие держатся ближе к Абсу и дерутся за лодки. Они следуют сюда, в Саггару.

Ледяной ветер загудел в ушах Бришена.

«Галлу. Выжившие. Саггара».

– Моя семья? – тихо спросил он, хотя уже знал ответ.

Посланник понурил плечи и медленно покачал склоненной головой.

– Королевский дом Хаскем уничтожен. Все погибли. Кроме вас. Король мертв.

В ответ раздались скорбные вопли. Гонец упал перед Бришеном на колени и коснулся лбом земли.

– Да здравствует король.

Шепот толпы перерос в оглушающий рев. Душа Бришена ушла в пятки. Он нахмурился и наклонился поднять гонца с земли.

– Встань с колен! – рявкнул он. – В Саггаре нет короля, пока мы не узнаем больше.

Стук его сердца вторил ритму барабанов, играющих рил. Будоражащее тело вожделение угасло, сменившись отрешенной целеустремленностью. Он повернулся к Ильдико, отметив потрясение на ее лице и блестящие от непролитых слез глаза.

– Найди всех наместников, мэров и глав кланов среди собравшихся, – спокойно попросил он. – Скажи им собраться в зале.

Ильдико молча кивнула и коротко погладила его по руке, прежде чем растворилась в море каи.

Бришен жестом подозвал к себе мрачную Анхусет.

– Приведи Мертока. Я хочу, чтобы вы вместе с дюжиной лучших разведчиков были в зале вместе с наместниками.

Она наклонилась к нему и шепотом спросила:

– Как галлу преодолели барьер между мирами?

Бришен заглянул в горящие глаза кузины, ничего не ответив. Вопрос не в том, как, а скорее в том, кто проломил для них стены. Ответ им обоим был хорошо известен. Если гонец говорит правду и галлу вырвались на свободу из дворца, значит, не обошлось без козней одержимой жаждой власти Секмис.

Он перевел взгляд на изможденного каи, ожидавшего дальнейших указаний.

– Пойдемте. В зале вас ожидает вино и еда, а также столь желанный отдых, но сначала мне нужна ваша помощь.

Переступив порог замка, Бришен послал Месумениса в библиотеку за картами, которые потом разложили на пустом столе. Гонец вяло поковырял вилкой поданную еду, а потом отставил тарелку и присоединился к Бришену. Тот внимательно изучал местность, изображенную на пергаменте.

На одной карте – известный им мир: от покрытой снегами Хеленрисии на крайнем севере до Змеиных пиков на юге и все земли меж ними, включая Баст-Харадис, Гаур и Беладин. На второй только Баст-Харадис, и в первую очередь именно на эту карту обратил свой взор Бришен.

Он постучал пальцем по отметке, означавшей столицу Харадиса.

– Покажи, по какому пути выжившие следуют до Саггары.

– А как же галлу? – на последнем слове гонец запнулся.

– Этих демонов манит кровь и магия. Куда бы каи ни пошли, галлу последуют за ними, если только не почувствуют больший источник для поживы либо если орда не окажется в ловушке воды.

Гонец побледнел.

– Тогда они приведут их сюда.

Бришен посмотрел на него, прежде чем ответить, и холодное оцепенение в душе распространилось по всему телу.

– Возможно. Нам нужно выяснить, как их сдержать, прежде чем это произойдет.

Бришен умолчал, что сдержать демоническую орду – наименьшая из их проблем. Самое трудное – вернуть их в хаос, из которого они явились.

Зал заполнили каи, когда Ильдико привела вассалов и вождей кланов. Анхусет, Мерток с солдатами и разведчиками увеличили количество собравшихся, пока вокруг Бришена не стянулась внушительная толпа. Каи больше не походили на гуляк, наслаждающихся праздничной ночью, а на мрачный отряд, столкнувшийся с возможностью катастрофы, не похожей ни на одну из тех, свидетелями которых были многие поколения.

Ильдико и Месуменис ходили между залом и кухнями, приказывая небольшой армии слуг подавать еду и напитки. Слуги перешептывались между собой,

испуганно наблюдая широко распахнутыми глазами и прислушиваясь к разгорающимся и затихающим спорам вокруг двух карт.

Измученный посланник принял на себя тяжелую роль отвечающего. Его засыпали множеством вопросов, полных недовольства, восклицаний и даже обвинений во лжи. Конфликт едва не перерос в драку, но Бришен пригрозил бросить вождя в темницу, а гонца приковать к креслу, если те не успокоятся.

Никто не произнес ни слова, когда гонец надломленным голосом описал то, чему стал свидетелем у реки.

– Мы видели… мы видели, как группа немолодых каи во главе с пожилым военачальником Хасаратом стала живым щитом у берега реки, чтобы другие успели добраться до воды. Их жертва спасла сотни, а может быть, больше жизней. – У него перехватило дыхание, и он склонил голову. – Никто не заслуживает такого конца.

Бришен знал, что образ, вызванный этими словами, останется в его памяти до самой смерти.

Следующие несколько часов он планировал и разрабатывал стратегию со своими самыми доверенными наместниками и офицерами гарнизона. Страх и темнота на грани паники наполнили воздух, настолько тяжелые, что он мог ощутить горечь на языке. Когда собрание наконец закончилось и все засобирались: кто вернуться домой, кто отправиться в разведку, – солнце стояло высоко в небе, а измученный посланник из Харадиса рухнул на стол и уснул.

Бришен провел рукой по лицу и моргнул сухим глазом. Одно воспоминание о потерянном левом глазе вызывало зуд. Он сглотнул, удивляясь, когда его язык стал ощущаться как шерстяное одеяло, и с благодарностью принял чашку холодной воды от сонного управляющего. Если не считать Месумениса и дремлющего гонца, он остался один в зале.

– Херцегеши отправилась в опочивальню?

Ильдико давно ушла из зала, и Бришен отчаянно хотел обнять ее – найти устойчивую опору в мире, внезапно вышедшем из-под его контроля.

Управляющий кивнул в сторону плотно затворенных дверей, не пропускающих яркий дневной свет.

– Она снаружи, милорд, провожает последнего наместника. Вы же знаете, она лучше переносит солнце, чем мы.

Бришен хотел пойти к ней, но чудовищные события последних часов истощали остатки его сил.

– Когда она вернется, пускай придет ко мне.

Бришен покинул зал, ища убежища в своих покоях. В камине весело плясал слабый огонь, ставни были плотно закрыты. Бришен опустился в ближайшее кресло и прикрыл глаза.

Та часть его натуры, которая всегда оставалась хладнокровной, твердила, что отсутствие близких отношений с родственниками, за исключением Ахнусет, которая, хвала богам, жила в Саггаре, невероятная удача. Иначе он мог лишиться рассудка от потрясения и скорби.

И все же он горевал о племянниках, их тихой и покорной матери Тайи, о каждом каи во дворце и столице, которые даже не могли себе вообразить, какую беду на них навлечет их собственная королева.

Он вырос на историях о галлу. Даже люди знали об их существовании. Дикие, голодные твари, жаждущие крови и магии. Некоторые считали, что их, как и старшие расы, создали боги. Большинство, однако, полагало, что они порождение гальпери, которые стремились очиститься и преодолеть мирские ограничения, вырвав тьму из собственных душ.

Этот древний раскол породил галлу, существ с такой неимоверной жестокостью и ненасытным аппетитом, что самые могущественные лидеры древних рас объединились и изгнали их из мира. Не в силах уничтожить демоническую орду, они запечатали галлу в царстве вне времени и пространства, в тюрьме без замков и ключей. Наказание тем, кто привел галлу в мир, было молниеносным и безжалостным: урок всем, что подобный проступок сулит самое страшное искупление.

Однако время течет неуклонно, а воспоминания меркнут. Какой бы урок ни пытались преподать древние, о нем либо позабыли, либо сознательно проигнорировали. Столетия записей и память огня жизни знали о случаях, когда один или парочка галлу вырывались на свободу из царства, где томились как в тюрьме, обычно из-за колдуна, обладавшего больше силой и амбициями, чем здравым смыслом. Бришен не сомневался. Сейчас виновницей всего стала Секмис.

Он зарычал. В итоге его кровожадная сука-мамаша недооценила жестокость галлу и обрушила апокалипсис на королевство. Возможно, она ввергла в хаос весь мир, если орду вовремя не остановят.

Бришен закрыл лицо дрожащей рукой. В некотором смысле он понимал мотивы запутавшихся древних, которые стремились очиститься от собственной злобы. Он – дитя женщины, запятнавшей мир самим своим существованием. Ее кровь текла в его жилах. Если бы он мог избавиться от материнского наследия, то не колеблясь сделал бы это. По его коже бежали мурашки от отвращения к себе.

Дверь, соединяющая их с Ильдико спальни, со слабым скрипом открылась и вновь закрылась. Бришен не поднял глаз. Он узнал аромат цветов и легкие шаги.

Если не считать шороха юбок, Ильдико не издала ни звука. Бришен убрал руку от лица, почувствовав, как ее голова прижалась к его колену. Жена села на пол, прильнув щекой к его ноге, и смотрела на огонь. Она приникла грудью к его икре, а ладонями гладила и массировала его мышцы.

Бришен нежно провел пальцами по огненным волосам, его когти легко скользнули по шелковистым прядям. Узел в груди не исчез, но ослабел. Присутствие возлюбленной успокаивало.

– Твои наместники и вожди покинули Саггару, как и многие наши гости из близлежащих деревень. Весть об орде галлу распространяется быстрей лесного пожара.

Он вымученно улыбнулся, восхищаясь, как отблески огня играют в рыжих волосах. Ильдико оказала ему всю необходимую помощь, сохранив практичность и не отвернувшись от суровой реальности. А ведь реальность вселяла ужас в сердце.

– Необоснованные слухи раздуют пламя, – ответил он. – Ожидай толпу испуганных посетителей. Через несколько дней они вернутся в Саггару с множеством вопросов, жена.

– Что ты им скажешь? – Она еще крепче прижалась к нему.

Бришен пожал плечами.

– Почти ничего. По крайней мере, до тех пор, пока разведчики не принесут вести. Я предупредил вождей и наместников установить комендантский час и скоординировать систему сигнальных огней, чтобы предупредить друг друга в случае, если объявятся галлу. Кроме рассказа гонца, на данный момент нам ничего не известно. – Он накрутил локон ее волос на коготь. – Честно говоря, надеюсь, он наплел нам небылицы в бреду. Я бы предпочел выставить себя дураком, чем… – Он замолчал.

«…королем».

Он скрыл дрожь.

«Боги».

Ильдико посмотрела на него. Усталость сковала побледневшее лицо.

– А если это не бред безумца?

Он наклонился, поднимая жену с холодного пола и усаживая себе на колени. Ильдико обвила руками его шею, ее пальцы скользнули под волосы, гладя затылок. Бришен медленно поцеловал ее, прежде чем заговорить:

– Вероятней всего. Интуиция подсказывает, что это правда. Какие бы новости ни принесли нам разведчики, боюсь, они подтвердят сказанное гонцом.

Ее глаза снова наполнились слезами.

– Твоя семья… Наверняка кто-то выжил.

Оцепенение проникало все глубже в его сердце, просачиваясь в душу.

– Ты слышала его, Ильдико. Галлу пришли из дворца. Никто бы не выжил после такого нападения.

– Мне очень жаль, Бришен. Мне очень жаль.

Она усыпала нежными поцелуями его лицо, лоб, веко, повязку на глазу, нос, щеки и губы.

Он погладил ее по бедру.

– Между нами не было добрых отношений, но я бы не пожелал такой жестокой и нечистой смерти никому.

Кроме матери, и даже смерть от лап галлу слишком милосердна для такой гадюки. Ярость пробежала рябью по застывшей глади озера внутри него. Бришен немного жалел, что не стал свидетелем ее кончины. Вполне вероятно, вид предсмертных мук королевы стоил бы того, чтобы умереть самому.

– Возможно, я единственный выживший отпрыск дома Хаскем.

Ильдико сильно нахмурилась

– Есть еще Анхусет.

«Да, спасибо богам за Анхусет».

Он дорожил своей свирепой кузиной.

– Верно, однако официально она не признана членом семьи. – Ильдико потрясенно уставилась на него. – Она гамеза, незаконнорожденная дочь моей тетки по отцовой линии и конюха. Хаскем по крови, но не по закону.

После его слов лицо жены стало пепельно-белым.

– Ильдико?

Она моргнула, затем покачала головой и мучительно улыбнулась.

– Прости. Это была бесконечно долгая ночь.

С этим не поспоришь, а день обещал быть еще длиннее.

– Давай ложиться спать?

Ильдико покачала головой.

– Пока нет. Как думаешь, Се…

Бришен прижал палец к ее губам, не давая договорить. Он знал, о чем она собиралась спросить. Анхусет уже высказала подобное подозрение. Кузина прошептала их ему на ухо, чтобы никто не слышал, но в данной ситуации подобные предположения лучше оставлять невысказанными. Пострадавшие и охваченные страхом найдут, кого обвинить. Королева, скорее всего, умерла от собственных извращенных козней, но ее младший сын и его ближайшие родственники – нет. Бришен не желал взвалить на себя вину за зло, сотворенное Секмис.

Взгляд Ильдико блеснул, сначала из-за замешательства, а потом – понимания. Стоило Бришену убрать палец, как она продолжила разговор, словно и не пыталась произнести имя его матери.

– Сейчас разве не стоит обеспечивать безопасность границ? Что, если народ запаникует?

Он ухмыльнулся, восхищаясь, как легко жена перешла от опасной догадки к безобидному вопросу.

– То, что галлу неожиданно появятся на нашем пороге, вызовет больше, чем панику. Невежество и забывчивость – всего лишь иллюзии безопасности.

– Если весть об освобожденной орде достигнет Гаура или Беладина, может начаться война.

Такой сценарий приходил в голову ему и всем каи, собравшимся ранее вокруг карт в большом зале.

– У нас нет возможности скрыть присутствие орды. Остается надеяться, что у лидеров гаури и беладинов хватит здравого смысла признать, что сейчас не время для конфронтации. Не стоит надеяться на союз между тремя королевствами, но если удастся удержать мечи в ножнах, а армии по домам хотя бы до тех пор, пока мы не разрешим проблему с галлу, я буду считать это величайшим триумфом.

– Мудрые слова. Знак хорошего человека. Знак замечательного правителя. – Она стала еще серьезней. – Из тебя выйдет великолепный король, Бришен.

Ее последние слова пустили ледяную стрелу по его позвоночнику. Бришен ближе притянул жену.

– А ты станешь великолепной королевой, Ильдико, – прошептал он ей в волосы.

Она крепко обняла его, прежде чем отстраниться. Ее взгляд был странно мрачен.

– Теперь я готова лечь спать. Если рассказ гонца правда, то отдых в ближайшее время нам будет только сниться.

Разомкнув объятия и поднявшись, она протянула ему руку.

Он сжал холодные пальчики и присоединился к ней. Интуиция предупреждала его о какой-то незримой угрозе. Той, что не касалась галлу или последствий вторжения демонической орды.

До этого момента поведение Ильдико никогда по-настоящему его не пугало.

Бришен замер, когда она потянула его к кровати.

– Ты любишь меня, Ильдико? – Он еле произнес слова из-за стоящего в горле кома.

Жена замерла и крепко сжала его руку, впиваясь ногтями в ладонь.

– Всем своим существом, Бришен, – страстным шепотом ответила она. – До последнего вздоха. Тебе никогда не нужно в этом сомневаться.

Бришен верил ей, но почему-то от ее слов у него скрутило живот, а в душе поднялась тревога.

Ее слова прозвучали не как признание в чувствах, а как прощание.

Глава 3

Галлу никогда не останавливались и не отдыхали. Они учились у тех, кого пожирали, и у тех, на кого охотились. Извивающаяся черная стена вопящих, бормочущих теней двинулась следом за выжившими после нападения на столицу, когда беженцы пошли вдоль Абсу к Саггаре.

Киргипа изо всех сил старалась не смотреть на ужас, царящий на противоположном берегу реки. Галлу имитировали предсмертные крики своих жертв: людей, животных, любых существ из магии, плоти и крови. Первые часы побега из Харадиса, потрясенные и скорбящие, каи молчали. Киргипа понимала, что никто не хотел слышать предсмертные крики родственников или друзей, эхом отдающиеся внутри тварей, что постоянно вопили от разочарования из-за непроницаемого барьера воды между ними и их добычей.

Она однажды рискнула украдкой посмотреть на галлу и горько пожалела об этом. Стена теней изогнулась, превратившись в лица каи: искаженные, испуганные, застывшие в крике. Киргипа споткнулась, прижимая к груди юную королеву.

– Смотри под ноги, маленькая служанка. – Дендера схватила ее за локоть. – Нет толку на них смотреть, особенно зная, что они наблюдают за тобой. – Она встала

перед Киргипой. – Отдай мне ребенка. Ты с самого утра несла ее без отдыха.

Ее золотистый взгляд скользнул по процессии, которая неустанно текла к гарнизону принца Бришена.

– В данный момент здесь безопасно, а мои руки могут сгодиться не только для сражений.

Киргипа радостно сбросила с плеча перевязь и передала спящую королеву Дендере. Удача хоть в чем-то им сопутствовала. Обычно беспокойная малютка вела себя тихо, словно чувствовала угрозу на другом берегу реки и старалась не привлекать внимания. Стражница надела перевязь и осторожно прижала к плечу ценную ношу. Затем протянула Киргипе три фляжки с козьим молоком и один узелок тилкетиля.

– Учитывая королевскую цену за еду, в твоих руках по-прежнему драгоценный груз. Не урони и не пролей.

Дендера не преувеличивала. Они с Некосом отдали мечи, два кинжала и все украшения ткачихе в обмен на молоко и четыре толстых лепешки из взбитого животного жира, ягод и сушеной рыбы. Тилкетиль дарил чувство сытости, и хоть Киргипа его не любила, зато юная королева просто обожала.

– Не волнуйтесь, – заверила Киргипа Дендеру. – Мне известна цена твоему оружию и драгоценностям. Я лишь жалею, что не внесла свой вклад.

Она не владела никакими ценностями, и ткачиха презрительно покачала головой, когда Киргипа предложила ей свою простую шаль.

– Ты нянька будущей королевы. Твоя преданность ей – величайшее сокровище. Сталь и побрякушку можно заменить. А вот верностью и честью не торгуют. Они бесценны. – Суровое лицо Дендеры немного смягчилось. – Знаю, ты беспокоишься за сестру и испытываешь искушение покинуть это дитя, чтобы броситься на поиски Аталаны.

У Киргипы перехватило горло. Они путешествовали вдоль Абсу уже четыре дня. Большая часть жителей столицы погибла во время нападения, но к выжившим

присоединились каи, обитавшие на безопасном берегу. Дендера сдержала обещание и каждый день искала Аталану, но пока безуспешно. Однако сегодня прочесать толпу вызвался Некос.

После скудного завтрака тилкетилем и водой из Абсу он сначала отправился охотиться на оставшуюся дичь в лесу, а затем приступил к поискам Аталаны. Киргипа молилась, чтобы он нашел ее. Она потеряла брата во время атаки беладинов, а теперь мать. Из родных у нее осталась только Аталана. Киргипа понимала, что проявляет преданность и благородство, но в то же время сильно тосковала и боялась за сестру.

– Пожалуйста, Некос, – прошептала она себе под нос. – Найди Аталану.

Словно услышав ее зов, он внезапно возник рядом, с разбитой губой и окровавленными костяшками пальцев.

У Киргипы душа ушла в пятки.

«О боги, сестра. Что-то случилось с Аталаной!»

Она схватила Некоса за руку.

– Аталана! Она ранена!

Он покачал головой и потянул ее к краю толпы, подальше от посторонних глаз. Казалось, любопытствующие взгляды прожигают их спины.

Дендера последовала за ними.

– Что случилось?

Некос окинул Киргипу пристальным взглядом, будто выискивая что-то.

– Что? – огрызнулась она и посмотрела на себя, сбитая с толку его поведением.

Удовлетворенный увиденным, Некос глянул на Дендеру и прищурился.

– Одежда ее не выдает, а вот тебе придется снять все знаки отличия.

Дендера мгновенно повиновалась, оторвав нашивку с рукава – регалию элитных королевских гвардейцев – и протянула Некосу. Он засунул нашивку под кольчугу и опустился на одно колено, чтобы ухватиться за подол туники, которую Дендера носила под доспехами. Ткань упала ему в руки, когда он отрезал край амарантиновой каймы.

Киргипа с непониманием взирала на обоих стражников.

– Зачем ты это делаешь?

Некос встал и поднял раненую руку.

– На меня напали, когда я искал твою сестру. Похоже, многие жаждут мести за галлу.

Он спрятал амарантиновую кайму туда же, куда и нашивку. Подол его собственной туники был разорван. Не хватало пурпурной полосы, на рукаве виднелась прореха.

Киргипа облизнула внезапно пересохшие губы.

– Зачем им так поступать? Бессмыслица какая-то.

– Смысл как раз есть. – Взгляд Дендеры скользнул за плечо Киргипы в клокочущую тьму, оскверняющую противоположный берег. – Напуганный народ ищет виновных в своих страданиях, потере близких и дома. Галлу пришли из дворца. Многие стали этому свидетелями, а потом просветили тех, кто этого не видел.

– Они жаждут возмездия.

Некос сильней испортил свою тунику, оторвав еще одну полоску, на этот раз простой коричневой ткани, и перевязал раненую руку.

Дендера покачала головой.

– Они ищут правосудия, а виновные мертвы и недосягаемы. Кроме нее. – Она похлопала дитя по попке. – И нас.

Киргипа вознегодовала.

– Мы ничего не сделали! Моя матушка умерла за этих людей! А это – безобидное дитя.

Некос жестом призвал ее понизить голос.

– Это не имеет значения, – тихо произнес он. – Зло на противоположной стороне реки явилось из замка. Любой заподозрил бы, что это бедствие – дело рук королевы. Ты – няня ее внучки, а мы – дворцовая стража. Считай, соучастники преступления.

Суровое лицо Дендеры ожесточились.

– Нам нужно сейчас же уходить отсюда. Двигаться вдоль реки, но держаться далеко впереди. Теперь наши сородичи так же опасны, как и демоническая орда.

Из-за шума в ушах слова стражницы прозвучали для Киргипы словно издалека. Они уходят, покидают беженцев и ее сестру.

Она медленно попятилась.

– Нет, – прошептала Киргипа, разрываясь между впитанной вместе с молоком матери преданностью королевскому роду и любовью к единственной оставшейся в живых родной душе.

Некос преградил ей путь и мягко повернул лицом к себе. Разбитая губа портила красивое лицо, но для Киргипы и оно было утешением. Теплые ладони легли тяжестью на ее плечи.

– Если только твоя сестра не поведает всем, что ты – королевская нянька, тогда она с толпой в большей безопасности, чем с нами. – Его когти щекотали кожу. –

Киргипа, мы все движемся в одно место. Нам троим просто нужно быстрее добраться туда, чтобы эта малышка, живая и невредимая, оказалась под защитой дяди.

Киргипа обмякла в его руках и закрыла глаза.

– Это так тяжело, – призналась она, но вновь распахнула веки от легкого прикосновения губ Некоса к ее лбу.

– Безусловно, маленькая служанка, – ответил он, используя прозвище Дендеры. – Поистине.

Она кивнула.

– Я не освобождаю вас обоих от обещания найти Аталану, чтобы мы снова были вместе.

Дендера склонила голову.

– И мы выполним это обещание. – Она повернулась к Некосу. – Абсу уходит вбок от Саггары к Беладину, но мы можем сделать крюк. Я бы предпочла, выбирая более длинный путь, рискнуть встретиться с человеческими патрулями, чем оказаться на открытой местности без реки в пределах досягаемости.

– А как насчет еды? – Киргипа помахала мешочком тилкетиля. – Этого надолго не хватит, и большую часть мы должны оставить ей. – Она указала на королеву, мирно спящую в перевязи.

– Будем ловить рыбу в реке и совершать набеги на фермы, если придется, – вздохнул Некос в ответ на молчаливое неодобрение Киргипы. – Если не мы, то это сделает гонимая галлу толпа. В лесах уже ничего не осталось. Мы движемся как саранча. – В свою защиту он добавил: – И мы можем предупредить о приближении галлу, если будем идти достаточно быстро.

Дендера затянула узел перевязи на плече.

– Тогда уходим прямо сейчас. Будем идти всю ночь и день. Спать немного и снова отправляться в путь ночью. Пешее путешествие не сравнится по скорости с верховой поездкой, однако толпа из сотен каи будет передвигаться еще медленнее, чем мы. За короткий промежуток времени мы сможем значительно отдалиться от всех жаждущих возмездия.

– Сейчас лошади на вес золота и в десять раз дороже. Украсть даже одну будет тяжело. – Некос сжал руку Киргипы, переплетая их пальцы вместе. Она почувствовала прилив сил от этого успокаивающего жеста. – Готова?

Киргипа бросила последний взгляд на столпившихся позади каи. Где-то в этой толпе ее сестра нашла временное убежище и безопасность. Она будет молиться о многом: о скором воссоединении с Аталаной, о лошади для Некоса, о передаче юной королевы Каи под защиту ее дяди в далекой Саггаре и о способе отправить галлу обратно в небытие.

Киргипа коротко сжала руку Некоса и кивнула ожидающей их Дендере.

– Веди.

Глава 4

Три дня прошло с тех пор, как прибыл гонец с ужасающими новостями, и целая неделя с момента падения столицы. Ильдико стояла рядом с Месуменисом в одной из многочисленных кладовых Саггары. Дыхание облачками пара срывалось с ее губ. Она поплотнее закуталась в шерстяную шаль, разглядывая сложенные один на один до самого потолка мешки с зерном. К счастью, урожай в этом году выдался хорошим. Половина Харадиса должна была прибыть в Саггару со дня на день: голодная, напуганная, лишенная крова.

– Другие кладовые также полны?

Окажись они в иных обстоятельствах, Ильдико бы порадовалась такому изобилию. Хранилища полны запасов, а ведь скоро им предстоит кормить целую ораву ртов.

Месуменис проверил свиток пергамента, легко проведя когтем по колонке цифр.

– Большинство. Одна или две заполнены где-то наполовину, но мы попросили тех, кто бежит с ферм, привезти с собой собранный урожай и пополнить наши припасы.

Ильдико обошла кладовую по периметру, отмахиваясь от облачков зерновой пыли.

– Нам придется сразу выдавать еду по порциям. Нужно будет взвесить каждый мешок с зерном и рассчитать содержимое, чтобы мы могли точно оценить, скольких можно накормить каждым мешком.

Перламутровые глаза Месумениса округлились и ярко блеснули. Выражение ужаса на лице управляющего отразило ее собственные мысли. Ильдико ждала неизбежного протеста, но, к ее приятному удивлению, возражений не последовало. Управляющий постарался скрыть потрясение за каменным лицом, кивнул и сделал дополнительные пометки на пергаменте.

– Я помогу с подсчетом, – объявила Ильдико.

Скрежет пера о бумагу стих.

– В этом нет необходимости, ваше высочество. Это работа слуг.

– Для такой грандиозной задачи потребуется армия и недели труда. А времени у нас в обрез. Нужно задействовать любую свободную пару руку. Включая мою. – Между мешками промелькнул мышиный хвост. – Также пусть крысоловы обыщут кладовые и амбары. Мы не можем делиться едой с крысами.

Месуменис откашлялся, прежде чем заговорить:

– Херцег может быть против, чтобы его жена забралась на штабеля зерна для подсчета, ваше высочество.

Будь у мужа другой характер, Ильдико была бы склонна согласиться. Однако Бришен, как и она сама, был практичной натурой.

– Сомневаюсь. Когда он не будет патрулировать окрестности, охотясь на галлу, или встречать процессию дворян, прибывающих в Саггару, то, вероятно, сам поможет с подсчетами.

Ильдико не высказала вслух мысль, что не собирается позволять благородным гостям бездельничать, пока остальные трудятся до изнеможения. Сейчас не время пользоваться привилегиями, данными по праву рождения и статусу. Для галлу нет разницы между дворянином и крестьянином. Как и для голода. Теперь и для нее тоже.

Они с Месуменисом обговаривали, как собрать рабочие отряды и разделить складские помещения между ними, однако были вынуждены прерваться, когда дверь со скрипом отворилась. На пороге стояла Анхусет в тренировочном костюме: свободная рубашка и брюки с подкладкой, мягкий нагрудник, защитные подкладки на локтях и коленях. В руках она держала второй комплект защиты, а также связку палок различной длины.

– Вы готовы, ваше высочество?

Ильдико фыркнула.

– Это шутка. У нас нет времени на тренировки, Анхусет.

С тех пор как Бришен почти год назад оправился от плена, Ильдико тренировалась с Анхусет, изучая основные навыки, которым обучали юных каи, которые едва сняли ленты вожжей[1 - Ленты, о которых здесь идет речь, присутствуют в истории конца XVI – начала XVII веков. Когда дети делали первые в жизни шаги, их водили на привязи, как лошадей в узде. А пока они были грудными, их подвешивали к стене, чтобы уберечь от крыс и чтобы им было теплее, поскольку тепло от очага, топившегося в общей комнате, струилось вверх. Уходя на работу, младенца в люльке подвешивали к потолку. Позже, хотя в XVII веке ребенок в них больше не нуждается, лента – это знак того, что он еще имеет право регрессировать, как если бы в представлении взрослого он еще не до конца расстался с платьицем младенца, снабженным шнурками, вожжами, поводком. Здесь и далее – прим. перев.]. Они тренировались трижды в неделю. Ильдико не питала иллюзий по поводу своей воинской доблести или отсутствия оной, особенно в случае если ей доведется столкнуться с противником каи, но все лучше, чем ничего. Девица в беде – обуза, в отличие от той, что может за

себя постоять.

Анхусет осталась непоколебима.

– Всегда есть время для тренировок, херцегеши.

– Сейчас?

– Особенно сейчас.

Ильдико смирилась со своей судьбой и вернула свитки Месуменису.

– Я скоро снова присоединюсь к вам, – пообещала она и прошла мимо Анхусет на выход.

Девушки вместе пересекли галерею, направляясь к особняку. Люди, скот и повозки теснились на открытом пространстве. Каи ходили с мрачными лицами: недавнее веселье было позабыто из-за вестей о галлу и возможном падении Харадиса. Навалившаяся на всех работа стала своего рода спасением. Иначе страх нашел бы благодатную почву в праздных умах.

Ильдико бросила недовольный взгляд на Анхусет.

– Мне нужно осмотреть еще дюжину кладовых и четыре амбара вместе с Месуменисом, не говоря уже о поиске дополнительного помещения для наместника, двух мэров и их семей. Ты ездишь в патруле, координируешь гонцов и разведчиков. Обучение борьбе на палках – блажь, на которую ни у кого из нас нет времени.

Анхусет продолжила гнуть свою линию:

– Пока я в Саггаре, мы тренируемся. Никаких оправданий.

– Это веские причины, а не оправдания. – Ильдико вздохнула. – Хорошо. Полчаса, ни минутой больше.

Анхусет едва заметно улыбнулась, и они вдвоем вошли в дом, а потом в маленькую комнатку без мебели на третьем этаже. Ильдико переоделась в брюки, рубашку и надела подкладку.

Посмотрев на себя, а потом на Анхусет, она нахмурилась. Неважно, как часто ей приходилось так одеваться, Ильдико не могла привыкнуть к своему виду. Она походила на черепаху: громоздкую, неуклюжую и медлительную, – в отличие от своей учительницы, которая носила подобный наряд как вторую кожу и двигалась с плавной грацией кошки.

Ахнусет развязала связку палок и протянула две Ильдико: силабат – длинную палку почти в ее полный рост, и седикет – где-то вполовину короче силабата.

– С какой предпочитаешь начать?

Когда они только начали тренироваться, Бришен лично хотел обучать жену боевому искусству гатки или борьбе на палках. Ильдико с Анхусет вдвоем воспрепятствовали этому.

– Ты будешь с ней чересчур нежен, – заявила Анхусет.

– Стоит тебе меня хоть раз задеть, и тренировки на этом закончатся, – вторила ей Ильдико.

Бришен так легко не сдался и выдвинул контраргумент:

– Если за обучение возьмется Анхусет, ты можешь не пережить первого урока. А я не хочу казнить любимую кузину за то, что она убила мою жену.

Лишь после возмущенных возгласов сестры и множества заверений Ильдико они смогли убедить его отказаться от роли наставника. С тех пор прошло несколько месяцев, и хотя Ильдико после тренировок оставалась в синяках, жизни ее ничто не угрожало.

Она взвесила короткий седикет и отложила силабат. С короткой палкой она лучше управлялась. Небольшой размер облегчал обращение с ней, и, как напоминала Анхусет при каждом удобном случае, седикет легче спрятать.

– Твое главное преимущество – элемент неожиданности, – заявила ее наставница перед началом урока. – Ни один каи или, если на то пошло, человек не будет ожидать, что ты окажешься вооружена и способна себя защитить. Искусство гатке выиграет для тебя время для побега. Седикет можно спрятать, а силабатом – как дотягиваться до противника, так и удерживать его на расстоянии. Ты сможешь использовать палку для разных стратегий.

Это отдельная техника, но весьма эффективная.

Две женщины встали лицом к лицу. Ильдико приняла широкую стойку и присела, как учила ее Анхусет. Они закружили вокруг друг друга. Анхусет двигалась расслабленно и непринужденно, а Ильдико следовала за ней по всей комнате.

Ильдико сделала выпад и замахнулась – ее удар был с легкостью парирован. Они столкнулись еще несколько раз: Ильдико наносила удар, а Анхусет либо парировала его палкой, либо блокировала предплечьями. Сама же Анхусет ощутимо задела ее по рукам, ногам и спине. Ильдико не могла похвастаться такой меткостью.

К концу получасовой тренировки она задыхалась, изнывала от боли и вымокла от пота, несмотря на прохладу комнаты.

Ильдико отдала свою палку Анхусет, которая выглядела так же свежо и бодро, как и до тренировки, и уперла руки в бедра, пытаясь отдышаться.

Наставница окинула Ильдико неодобрительным взглядом и поморщилась.

– Ты была невнимательной.

– Ты так считаешь? – тяжело дышала Ильдико.

– Нам нужно больше тренироваться. Полчаса слишком мало.

Ильдико захромала к аккуратной стопке одежды и развязала защиту на локтях, морщась при каждом движении.

– Более чем достаточно, чтобы заработать ежедневную дозу синяков.

Она стянула с себя пропитанный потом тренировочный костюм и переоделась в платье. Ей отчаянно хотелось смыть с кожи зерновую пыль. Но с ванной придется подождать, как и со встречей с Месуменисом. Для начала нужно кое-что выяснить у Анхусет.

– Что ты знаешь об истории своей матери и короля Джедора?

Пожав плечом, Анхусет связала боевые палки в пучок.

– Больше, чем мне хотелось помнить, но рассказать особо не о чем. – Она подняла голову и с самодовольной ухмылкой взглянула на Ильдико. – Я гамеза, ваше высочество. Незаконнорожденных отпрысков не учат гордиться родословной, поскольку они плод греха и позора, запятнавшего честь семьи.

Ильдико вздрогнула. Участь бастардов тяжела и несправедлива независимо от культуры.

– Прости, Анхусет.

Анхусет пожала плечами.

– Ничего страшного. Я не теряю из-за этого сон. На все твои вопросы может ответить Бришен. Он умел цитировать родословную Джедора, еще даже не умея читать. – Анхусет забрала палки и тренировочную одежду Ильдико и направилась к двери. – Ты по-прежнему пользуешься той мазью, которую я тебе дала?

– Да, несмотря на ужасную вонь.

Сочувствия в ответ не последовало.

Анхусет открыла двери, выглянула наружу, а потом позвала за собой Ильдико.

– Просто задержи дыхание и посоветуй херцегу сделать то же самое. Если сегодня ей не помажешься, завтра с кровати встать не сможешь.

Они расстались на лестнице, и Ильдико убежала в свою комнату, где в третий раз сбросила одежду и обмылась в тазике холодной водой и мылом, которые ранее принесла для нее горничная. К концу омовения у нее не попадал зуб на зуб, а руки стали такими неуклюжими от холода, что она смогла завязать лишь небольшую часть шнурков к приходу Синуэ.

Чистая и согревшаяся, Ильдико встретила управляющего у подножия лестницы, ведущей в большой зал.

– Месуменис, в библиотеке Саггары хранятся записи об истории королевской семьи?

– Да, ваше высочество.

Они направились в обширную библиотеку – великолепную комнату с высокими окнами, из которых открывался вид на дикую апельсиновую рощу. Стены от пола до потолка были заставлены шкафами со свитками и драгоценными книгами в переплетах. Богатство знаний и сведений, хранящихся здесь, не шло в сравнение ни с одной библиотекой, которую Ильдико когда-либо видела в Гауре, даже с королевской. Ильдико часто задавалась вопросом, почему такое сокровище осталось в Саггаре, а не было перевезено в Харадис вместе с двором. К счастью, этого не произошло, иначе сейчас они бы все это утратили.

Месуменис бродил между полками, время от времени взбираясь по лестницам, чтобы достать один или два пыльных свитка. К тому времени, как он собрал все необходимое, на одном из расставленных по комнате столов образовалась внушительная стопка пергаментов.

Ильдико развернула первый свиток, используя речные камни, чтобы закрепить углы.

– Мне понадобится ваша помощь в переводе. Мои знания письменного языка каи в лучшем случае удовлетворительны, но я предполагаю, что кое-что из этого написано в старой форме.

Следующий час они с управляющим просматривали свитки. Ильдико делала пометки, пока он переводил, стараясь скрыть растущую дрожь в руках. Закончив, они свернули и перевязали манускрипты.

Ильдико поблагодарила Месумениса.

– Свитки пусть пока полежат здесь. Возможно, мне захочется взглянуть на них еще раз. Нет необходимости оставаться со мной. Вам еще нужно проверить кладовые и разместить гостей. Я скоро присоединюсь к вам.

Месуменис поклонился и оставил ее в тихой библиотеке. Свечи мерцали в темноте, и Ильдико увидела свое отражение в окне: серьезное, бледное, человеческое.

Она вернулась к своим заметкам и свернутым свиткам. Ничего неожиданного, лишь подтверждение подозрений и страхов. То, чего она так боялась с того момента, как Бришен объяснил, что Анхусет незаконнорожденная дочь и лишена права наследования. Ильдико опустила голову на руки и вздохнула.

Если его отец и брат с детьми мертвы, то Бришен действительно последний из рода Хаскем, имеющий право править, иначе трон перейдет к другой семье. Ильдико перевернула страницу с заметками. Если каи схожи с людьми, а по ее наблюдениям во время краткого пребывания в Харадисе, они во многом похожи. Как правило, большие благородные семьи собираются при королевском дворе отчасти для того, чтобы выслужиться, завоевать влияние и строить козни. Вероятно, Джедора устраивал подобный расклад. Его шпионы могли внимательно следить за возможными соперниками и сообщать любую полезную информацию либо предупреждать об угрозах.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Notes

1

Ленты, о которых здесь идет речь, присутствуют в истории конца XVI – начала XVII веков. Когда дети делали первые в жизни шаги, их водили на привязи, как лошадей в узде. А пока они были грудными, их подвешивали к стене, чтобы уберечь от крыс и чтобы им было теплее, поскольку тепло от очага, топившегося в общей комнате, струилось вверх. Уходя на работу, младенца в люльке подвешивали к потолку. Позже, хотя в XVII веке ребенок в них больше не нуждается, лента – это знак того, что он еще имеет право регрессировать, как если бы в представлении взрослого он еще не до конца расстался с платьицем младенца, снабженным шнурками, вожжами, поводком. Здесь и далее – прим. перев.

Купить: https://tellnovel.me/dreyven_greys/eydolon

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити